

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

**Влюблена
и очень
опасна**

**или
Кто
подставил
пушистую
зайку?**

Полина Раевская

Влюблена и очень опасна

Серия «Антигрустин»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305792

*Влюблена и очень опасна, или Кто подставил пушистую зайку :
роман / Полина Раевская: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82793-0*

Аннотация

Софья Алтуфьева – довольно юная, но очень серьезная особа, работающая скромной помощницей нотариуса. Мягкий зайчонок, пугающийся даже собственной тени. Но лишь до тех пор, пока ей не встречается герой ее романа. Выясняется, что влюбленный заяц – опасный заяц.

Андрей Спиридонов – жених Софьи и по совместительству правая рука нотариуса. Очень любит себя, ценит свой комфорт и мечтает занять место шефа. Настоящий волк в овечьей шкуре.

Юрий Павлович Креольский – пренеприятнейший тип, деспот, тиран и самодур. Питон, обвивающий свою жертву и сжимающий ее до тех пор, пока не задушит. Ужиться с таким могут лишь такие приспособленцы, как Андрей, и такие трусливые «зайцы», как Софья.

Олег Павлович Креольский – брат-близнец Сониного шефа, полная его противоположность. Сильный и справедливый. Настоящий лев – царь зверей.

Ольга – девушка Юрия Креольского, бывшая девушка Олега Креольского. Эффектная красотка, как будто только что сошедшая с обложки «глянца». Точно знает, чего хочет от жизни, и умеет этого добиваться. Это лисица – хитрая, коварная и очень изобретательная.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	59
Глава девятая	63
Глава десятая	76
Глава одиннадцатая	80
Глава двенадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Полина Раевская

Влюблена и очень опасна

© Раевская П., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Один раз в жизни фортуна стучится в дверь каждого человека, но во многих случаях человек в это время сидит в соседнем кабаке и не слышит ее стука.

Марк Твен.

«Закон звездного часа»

Глава первая

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты, жадных мужчин и плохое настроение...

Ф. Раневская

Солнце отыскивало путь между неплотно задвинутыми портьерами и теперь настойчиво слепило в мои веки, настоятельно предлагая проснуться. Я лениво потянулась, зевнула и перевернулась на другой бок. Покидать объятия Морфея отчаянно не хотелось. Но так уж я устроена – чуть пробудившись, вновь ни за что не усну. Пришлось все же открыть глаза. И тут же их закрыть, чтобы не ослепнуть – рядом со мной нежно сопел ослепительной красоты субъект. Такому «приобретению», пожалуй, могла бы позавидовать сама Анджелина Джоли. В конце концов, Бредди парень хоть куда... был когда-то. Иное дело – лежащий в моей постели красавец. Мало того, что он хорош собой, так еще и неприлично молод. Не настолько, чтобы привлечь меня к ответственности за соращение малолетних, но довольно, чтобы его сил хватило на долгий и неоднократный любовный акт, заняться которым с подобным красавцем мне хотелось прямо сейчас. Может, стоит разбудить парня поцелуем и реализовать задуманное? Было бы неплохо, но куда лучше перед этим освежиться, ведь это только в кино главные герои сразу

после пробуждения принимаются неистово заниматься любовью, выглядя при этом так, как будто только что покинули салон красоты. В жизни, по крайней мере в моей, подобное не практикуется – уж больно непрезентабельный внешний вид у меня сразу после пробуждения.

Томно потянувшись, я грациозно поднялась, бросила соблазнительный взгляд через обнаженное плечо на парня (на случай, если тот уже проснулся и наблюдает за мной) и с легкостью пантеры отправилась в ванную комнату. Щелкнув выключателем, шагнула в ванную и была вынуждена вновь зажмуриться. Как же много света! Отражаясь ото всех начищенных до блеска поверхностей, он в итоге собирался в один слепящий луч, направленный прямо на меня. И чего я не выбрала матовую плитку или мозаику для отделки стен? Да и сантехнику вполне можно было приобрести поскромнее. Наверное, следует переделать ремонт. Во всяком случае, подумать об этом на досуге явно следует.

Взяв с полочки электрическую зубную щетку, я выдавила на щетину маленький шарик дорогой пасты и приступила к гигиенической процедуре. Поймав свое отражение в зеркале, невольно охнула, чуть не задохнувшись от восхищения. Ну, надо же! Как это мне удастся выглядеть так свежо и привлекательно после страстной ночи любви? Из зеркала на меня смотрела почти незнакомая красотка, поразительно напоминающая Джулию Робертс в молодости. В который раз за утро я рисковала подорвать зрение. На этот раз от соб-

ственной красоты.

Предаваясь подобным размышлениям, я не сразу заметила подошедшего сзади прекрасного незнакомца. Парень подкрался ко мне «на мягких лапах» и обнял за талию. Тело немедленно отозвалось сладостной истомой, заполнившей все внутренние органы, и я затрепетала от предвкушения. Красавчик явно знал свое дело – он провел ладонью по моей груди и отправился дальше в свое бесстыдное путешествие, одновременно губами лаская мою шею. Дело явно двигалось к фееричному сексу, когда раздался телефонный звонок. Застонав от недовольства, я жестом приказала парню продолжать, решив ни за что на свете не реагировать на настойчивый сигнал. Увы, волшебный момент был упущен. Аппарат не умолкал, призывая к ответу.

– Не останавливайся, – просипела я, но ослепительный красавец уже прервал свои волнующие кровь действия и вдруг начал растворяться. В буквальном смысле этого слова. Вместе с ним померкли и очертания шикарной ванны, а затем исчезла и я сама.

– Соня, ты что, не слышишь? – недовольный голос Андрея окончательно вывел меня из забытья. Интересно, что он тут делает? – У тебя будильник разрывается. Вставать пора. Выключи его, ради бога. Дай поспать!

Ах да, я же всегда встаю первой, чтобы успеть сварить нам обоим кофе и приготовить завтрак. Хотя минуточку... Кому это нам? Сосредоточившись на только что пережитых ощу-

щениях, я вновь попыталась вернуться в прерванную сказку. Тщетно. Сон уходил все дальше, уступая место унылой и тоскливой реальности.

Шикарное помещение прямо на глазах превратилось в малюсенькую комнату со скучной мебелью, ослепительный красавец – в... В общем, в Андрюшу. Мой парень в постели настоящая звезда. Во всяком случае, здорово на нее смахивает, когда вот так лежит на спине, раскинув ручки и ножки. Андрейка всегда так спит, нимало не заботясь о том, что мне при этом остается совсем немного места на нашем и без того небольшом спальном ложе. Взглянув на такое родное и мягкое пивное брюшко, я попыталась вызвать испытанное во сне желание, но ничего, кроме желания предложить любимому абонемент в спортзал и строгую диету, не возникло.

Вздохнув, медленно поплелась в нашу убогую ванную. Ничего общего с той комнатой, которую я видела во сне. Не порадовало и собственное отражение в зеркале. Да уж, Джулия Робертс из меня та еще – всклокоченные волосы, рубец от подушки на щеке и узенькие после сна глазки.

Взяла зубную щетку с истрепанной щетиной (какой день забываю приобрести новую), выдавила на нее пасту и приступила к исполнению непременного, отработанного до мелочей ритуала. Я точно знала, что будет потом – макияж, кухня, уборка постели и никаких ослепительных красавцев в радиусе тысячи метров.

Ну и пусть! Зато у меня есть Андрюшка. Может, не бог

ведь какое богатство, но зато родной, любимый и... И вообще. Что скрывалось под этим «вообще», я еще не придумала, но точно знала, что мне очень повезло. В конце концов, не каждой удастся заполучить такого классного парня, почти что «мужа» (в том, что Андрейка сделает мне предложение со дня на день, я не сомневалась). Кроме того, мой суженый без пяти минут нотариус. Сейчас он правая рука шефа в нашей конторе и уже разобрался во всех тонкостях этой сложной профессии. Ему осталось только дождаться подходящей вакансии. Экзамен он сдал, деньги на открытие собственной конторы почти накопил.

Конечно, я понимаю, здесь слишком много «почти», но ведь это же реальная жизнь, а не кино или роман, где все легко и просто. Я не так уж и плохо устроилась, учитывая, что многие девушки моего возраста вообще не имеют хоть какого-нибудь парня. Да чего далеко ходить? Взять хотя бы Марию. Первая красавица офиса и до сих пор одна. Наверняка рада была бы заполучить Андрейку, но он выбрал меня, чем, собственно, и покори́л. Не только этим, конечно, но сама бы я и помыслить не могла влюбиться в такого парня. Не из-за заниженной самооценки, просто я всегда реально смотрю на жизнь.

Андрей, может, и не принц на белом коне, так ведь и я не королевских кровей. В свои двадцать пять я вполне себе твердо стою на ногах и давно не витаю в облаках. По-своему люблю будущего мужа и уверена, что буду ему верной женой.

Главное, чтобы Андрей поскорей получил статус нотариуса, а там и звон свадебных колоколов не за горами.

А сон? А что сон? Мне не пятнадцать лет, чтобы заниматься толкованием сновидений. Мало ли что может присниться. Однажды я вообще во сне предавалась лесбийским утехам с Марией. И что? А ничего. В реальности просто испытывала несколько дней неловкость и сторонилась красивой коллеги, пока воспоминания полностью не стерлись из памяти. Одним словом, мало ли что привидится, это вообще не означает, что я недовольна своим Андрейкой.

Кроме того, нет никаких сомнений – сегодняшнее сновидение – не что иное, как отклик на просмотренную накануне мелодраму. Точно! Я тут на днях ужасик вечером посмотрела, так потом до утра с вампирами боролась. Правда, один из них оказался весьма привлекательным, сильно напоминал Эдварда из саги «Сумерки» и в конце концов начал испытывать ко мне влечение, но это все равно ни о чем не говорит! Довольно фантазировать! Пора на грешную землю возвращаться.

Размышляя подобным образом, я между тем успела нанести макияж. Как известно, косметика способна творить чудеса – вот и теперь вместо замученной замухрышки из зеркала на меня смотрела привлекательная молодая особа двадцати с лишним лет.

В ванную зашел Андрейка. Зевнув, почесал свой животик и взял меня за локти. Яркие впечатления ночного сновидения

дения, по-видимому, до конца меня не покинули, так как я невольно напряглась, ожидая продолжения. Андрея нельзя назвать спонтанной особой, и я не могла припомнить ни одного случая неожиданного проявления чувств с его стороны, но ведь все когда-то бывает в первый раз. Неужели моему суждено стать явью? Затрепетав от сладостного предчувствия, я прикрыла глаза.

Напрасно старалась – возлюбленный просто освобождал себе место у зеркала. Довольно грубо отодвинув меня в сторону, он недовольно проворчал:

– Соня, поторапливайся. Ты же знаешь – Юрий Павлович терпеть не может опозданий. И не забудь сделать мне кофе.

Я поплелась на кухню. Не то чтобы мне так уж хотелось заняться любовью с Андрейкой. В конце концов, основу наших отношений составляет не пылкая страсть. Ведь, как хорошо известно, она не самый прочный фундамент для построения крепкой семьи. И все же иногда мне казалось, что нам не хватает романтики и каких-то авантур, что ли. Конечно, в данном случае подобное вряд ли можно назвать уместным. Опоздай мы на работу хотя бы на минуту, шеф непременно сжил бы нас со свету. По крайней мере меня точно. К моему возлюбленному Креольский относится вполне терпимо, что вполне оправдано беспятиминутным нотариальным статусом Андрея. Мои карьерные перспективы также определены, и именно поэтому опаздывать мне никак нельзя – начальник с легкостью заменит меня более молодой и расто-

ропной, – каждый день так грозитя. Энергично, едва ли не с остервенением помешав кофе в турке, я наблюдала за поднимающейся пенкой. Не приведи господи упустить момент – будучи кофейным гурманом, Андрей не терпел ни малейшего нарушения утвержденной им рецептуры приготовления ароматного напитка. Что до меня, то я никогда не понимала, чем отличается «отвратный» кофе от «сносного» (иных эпитетов мои творения все равно никогда не заслуживали). Андрей – дело другое: он в таких вещах хорошо разбирается. Правда, Маринка утверждает, что дело вовсе не в моих способностях, а в настроении дегустатора, но ведь она необъективна – по непонятным для меня причинам подруга моего парня явно недолюбливает. Впервые услышав мои жалобы на собственную никчемность, она безапелляционно заявила, что, если уж Андрейка так хорошо знает, каким должен быть превосходный кофе, пусть бы сам его и готовил. Если честно, иногда мне очень хочется озвучить эту мысль своему возлюбленному, но я, разумеется, не решаюсь. В конце концов, у каждого свои недостатки, и прочные отношения базируются на умении партнеров с ними мириться.

Я сварила кофе, поджарила яйца и тост, сервировала стол – Андрей терпеть не мог перекусов на бегу, поэтому трапезничал всегда обстоятельно. Придирчиво оглядев снесь, я похолодела, не обнаружив сливок в молочнике. То, что их нет на столе – еще полбеда. Куда хуже, что они и в холодильнике тоже отсутствуют. И вообще дома. Молочный про-

дукт закончился еще вчера, а я забыла пополнить запасы! Возможно, для кого-то этот промах и пустяк – дело житейское, но Андрей, увы, не относится к числу людей, столь легкомысленно относящихся к жизни. Мой возлюбленный – перфекционист и не терпит отступлений от заведенного им порядка. Я же с завидной регулярностью наступаю на одни и те же грабли, давно и прочно претендуя на звание сеятеля этого садового инструмента.

Утро добрым не бывает. Не то чтобы Андрейка такой уж деспот и тиран. Нет! Больше того – уверена, он и слова не скажет. Всего-то сокрушенно покачает головой, тяжело вздохнет и спрячет (не очень, впрочем, умело) разочарование во взгляде. Затем он, как бы невзначай, напомнит мне о том, что в моем новеньком смартфоне есть специальная программка под названием «За покупками». С ее помощью так удобно составлять списки того, что мне нужно приобрести.

В моем коммуникаторе действительно есть такая функция. Вся беда в том, что она сама по себе не работает – ею необходимо активно пользоваться. Где бы взять «напоминалку», которая бы напоминала сделать запись в «напоминалку». Конечно, я безмерно благодарна Андрею за подаренную им технику и за титанические усилия меня с нею подружить, но сама лично в успех этого мероприятия верила слабо – количество «иконок» на экране мобильного внушало мне благоговейный ужас, а уж о том, чтобы разобраться в их

назначении, и мечтать не приходится.

Я быстренько достала телефон и набрала в списке планируемых покупок одно слово – «сливки».

– Андрей, ты представляешь, – нарочито веселым тоном обратилась я к вошедшему в кухню возлюбленному, – я забыла купить сливки, – кажется, мне удалось изобразить искренний смех. – Ты же знаешь, какой забывчивой я иногда бываю? Самое интересное, соответствующая запись в телефоне имеется, и вот... – в подтверждение своих слов я сунула парню под нос смартфон. Идиотский смешок должен был если не снять, то хотя бы минимизировать воцарившееся в кухне напряжение.

Андрей скользнул взглядом по экрану, вздохнул и закатил глаза.

– Соня, – страдальческим голосом обратился он ко мне, – как это на тебя похоже. Вот только врать-то зачем?

Я непонимающе уставилась на парня. О чем это он?

Андрей ткнул пальцем в экран. Вперив в него взгляд, я снова похолодела. Вот черт! Умная программа, формируя список планируемых к покупке продуктов, поставила сегодняшнее число. Чертовы технари – все-то они предусмотрели, все продумали. Крыть нечем – я попалась. Полное фиаско!

Надо отдать Андрею должное – он умеет быть великодушным. Вздохнув, мой возлюбленный принялся за трапезу. Я достала из холодильника йогурт и уныло принялась

размешивать его ложкой. Дело в том, что недавно Андрей тактично намекнул мне на необходимость обратить внимание на свою фигуру. По его мнению, в последнее время мой живот и бедра стали неприлично выпирать. Я действительно поправилась на несколько килограммов, но большой проблемы в этом не видела, так как вообще не сильно зациклена на своей внешности. С другой стороны, разочаровывать Андрея тоже не хотелось, поэтому пришлось сесть на строжайшую диету. И вот теперь я, с отвращением глотая йогурт, наблюдала, как мой довольный сотрапезник поглощает вкусный завтрак. Конечно, он ведь мужчина, а им, как известно, допустимо иметь некоторую округлость форм. Более того, по мнению моего парня, это даже придает сильному полу некую солидность. Худых парней Андрей терпеть не мог, считая хороший аппетит одной из отличительных черт настоящего мужчины. Он любил пространно рассуждать о том, что желание вкусно и сытно покушать у представителей сильного пола зафиксировано генетической памятью. Дескать, в давние времена их праотцы тратили массу энергии, охотясь за мамонтами.

Лично я в этой теории видела некоторые изъяны, главным из которых являлся тот факт, что образ жизни современных парней существенно отличается от времяпровождения их далеких предков, но спорить с Андреем не считала нужным. В конце концов, мне удалось вытянуть «счастливый билет» и терять его ради возможности беспрепятственно по-

едать пирожки было как минимум глупо.

Кроме того, не так уж я и обездолена, ведь иногда, когда Андрея нет рядом, я позволяю себе схомячить сочный гамбургер или (о ужас!) полакомиться кусочком торта. Так что жизнь прекрасна и удивительна, а йогурт, если вдуматься, вполне съедобен и, несомненно, крайне полезен.

Как известно, мир таков, каким мы его видим. Поэтому темным очкам я всегда предпочитаю розовые. Нацепив их мысленно на свой нос, я оглядела окружающую меня действительность. Все не так уж и плохо – да, мой парень не Бред Питт, но ведь и я не Анджелина, да, у меня не лучшая в мире работа, но какая разница, если в скором времени мне суждено стать женой и матерью, и, следовательно, о карьере все равно придется забыть. Да, мой суженый не богат, но он без пяти минут нотариус, а значит, не за горами тот час, когда все может измениться. А то, что мои формы далеки от совершенства, так это дело поправимое.

Одним словом, еще немного, еще чуть-чуть, и все будет просто идеально! А пока нужно немножечко потерпеть. Самую малость.

На самом деле, если бы не шеф, и терпеть бы особенно ничего не пришлось. Но Юрий Павлович Креольский был той еще занозой в заднице моего огромного счастливого слона. От одной мысли о предстоящей встрече с начальником меня бросало в дрожь. И так каждый день, не считая выходных, коих я ожидала, словно манну небесную. Хотя и их

Креольский умудрялся мне регулярно попортить. Трудоголик по натуре и скряга по сути, он нередко работал на выезде в субботу и в воскресенье, неизменно привлекая меня в качестве своего помощника. Это было более чем странно, учитывая, что из всех работников конторы я раздражала его больше всех. Он вечно ругал меня за «несобранность, тупость, отсутствие коммуникативных навыков, медлительность и нерасторопность». По его мнению, я и аттестата о среднем образовании не заслуживала, не говоря уж о дипломе вуза. Просто удивительно, как это я умудрилась не только окончить юрфак, но сделать это с отличием. Но надо отдать должное шефу – он умел быть красноречивым. Его обвинительные проповеди отличались такой убедительностью, что даже я в итоге стала замечать у себя признаки целого ряда умственных заболеваний. Порой мне действительно хотелось прислушаться к рекомендациям Креольского и обратиться за профессиональной врачебной помощью. Жаль только, что не было никакой уверенности в том, что это лечится. Во всяком случае, если верить шефу, мой случай точно относился к безнадежным.

Глава вторая

*Всю жизнь я проплавала в унитазе стилем
баттерфляй...*

Ф. Раневская

Но в это утро мне повезло – в контору мы с Андреем прибыли самыми первыми. Первыми из сотрудников. Что до клиентов, то их, по традиции, возле входа толпилось немало.

Необходимо отметить, что одним из «пунктиков» нашего шефа была пунктуальность. Поэтому тот факт, что возле входа нас ожидали посетители, вовсе не свидетельствует о том, что мы опоздали. Просто основные наши клиенты – пенсионеры. А вернее, пенсионерки. Парадоксально, но, как правило, среди наших пожилых посетителей представительниц слабого пола всегда намного больше. То ли потому, что женщины сохраняют активность в любом возрасте (мужчины в основном приглашают нотариуса на дом), то ли из-за большей продолжительности жизни прекрасных дам. Как бы то ни было, но и в тот день в очереди я заметила исключительно старушек. Кто-то пришел оформить наследство, кто-то написать или даже переписать завещание.

Кстати, о последнем. Есть у нас одна бабушка, которая оставляет распоряжения на случай своей смерти еже-

месячно, аккуратно в день получения пенсии. Подозреваю, что для нее это своеобразное развлечение, почище просмотра сериалов и передач о здоровье. Она то отпишет все имущество сыну, то порадует дочь, то осчастливит внука. В результате родственники ради расположенной в центре квартиры готовы на все. Что они только не предпринимают, чтобы ублажить старушку. Правда, между собой они давно не общаются и вообще ненавидят друг друга лютой ненавистью, но бабушку это, похоже, ничуть не печалит.

А вообще есть в моей работе и плюсы. Во всяком случае, скучать она мне точно не дает. И пусть мои непосредственные обязанности рутинны и скучны, зато клиенты колоритны и интересны. Наблюдать за ними куда увлекательнее, чем смотреть знаменитые жизненные ток-шоу с говорливыми ведущими.

Бесцеремонно растолкав толпу, Андрей пробился к двери. Достав из сумки ключ с брелоком сигнализации, он снял охрану, открыл замок и вошел внутрь. Бабульки ринулись за ним следом, едва не сменяя меня со своего пути. В общем, все как обычно.

– Так, женщины, – грозно произнес мой партнер, перекивая гул голосов, – нотариуса пока нет, так что располагайтесь в холле и ждите. Принимать будем в порядке живой очереди.

Старушки вновь загомонили, выясняя, кто за кем стоял. У одной бабушки даже список нашелся. Да уж, достаточно

двум пенсионеркам собраться вместе, и они непременно образуют очередь. Это более чем объяснимо, ведь чем сложнее цель, тем больше удовольствия получаешь, ее достигнув. Для многих женщин – в прошлом деятельных активисток, достойное место в очереди – прекрасная возможность вновь почувствовать свою важность, значимость и значительность. И это одновременно трогательно и печально.

Правда, сами пенсионерки отнюдь не грустили о своей участи. Напротив, все происходящее им явно доставляет удовольствие – по крайней мере, хоть один день имеет все шансы пройти не зря.

В последние дни мучительное чувство голода сопровождало меня повсюду, и, разумеется, йогурт, съеденный за завтраком, никак не мог этого изменить. Одинокое болтаясь в желудке, он даже не пытался создать иллюзию его наполнения. С тех пор, как я села на диету, компанию немногочисленным продуктам, которые мне разрешалось съедать, составлял лишь зеленый чай. Андрейка где-то вычитал, что этот напиток способствует сжиганию жиров. Разумеется, в тот же день мне была торжественно вручена коробка самых лучших (как же иначе) листов, выращенных где-то на китайском высокогорье. Между нами говоря, напиток оказался редкостной гадостью и почему-то имел запах не совсем свежих мужских носков, но мой суженый объяснил, что так и должно быть, ведь мне повезло отведать знаменитый элитный чай, который в течение нескольких лет подвергался спе-

циальной обработке и выдержке. Подозреваю, что стоило это пойло недешево, хотя, на мой взгляд, явно незаслуженно.

Но, как выяснилось позднее, мне еще повезло! В магазине, где Андрей приобретал чудный напиток, ему предложили фантастические кофейные зерна, прошедшие обработку в... кишечнике какого-то балийского зверька. Милый пушистик поедает зерна, которые, проходя через его ЖКТ, особым образом ферментируются и преобразуются из обычных в самые дорогие зерна в мире. Подозреваю, что только баснословная цена удержала моего возлюбленного от покупки столь чудного напитка. Как по мне, так перспективу пить кофе из «какашек» обезьянки вряд ли можно назвать сильно заманчивой. Но у Андрея, разумеется, на этот счет было иное мнение.

Он провозгласил меня невеждой, а затем долго и пространно рассуждал о «плебействе», которое свойственно некоторым личностям (угадайте, кому) и которое непременно следует искоренять из себя всеми правдами и неправдами.

Почему мне для этого нужно было обязательно пылать любовью к кофе из экскрементов, я так и не поняла, но от греха подальше решила все же не уточнять. Как бы то ни было, к счастью для меня, мне достался только чай «из носков», что уже неплохо. Как говорится, и на этом спасибо. Правда, чудный напиток еще предстояло заварить, поэтому я взяла чайник и направилась с ним в туалет, чтобы набрать во-

ды. Толкнув дверь, я шагнула внутрь и ахнула. Весь пол был залит... Даже говорить неудобно. Одним словом, керамическую плитку покрывал ровный слой воды вперемешку с тем самым, из чего на Бали получают самый дорогой в мире кофе.

– Алтуфьева! – услышав голос шефа, я так и подскочила на месте. – Что здесь происходит? – Креольский, как всегда, подкрался незаметно. Его поразительное умение появляться, словно Сивка-Бурка, из пустоты не раз доводило меня до полуобморочного состояния. Но в этот раз я испугалась особенно. Конечно, в засоре канализации моей вины не было, но ведь любому очевидно – шефа в этом не убедишь. Что бы ни произошло в офисе, крайней всегда назначали меня.

– Я жду! – недовольно произнес шеф.

Интересно, что именно ждет? Видимо, ответа. А я-то наивно полагала этот вопрос риторическим. Неужели начальник действительно не понимает, что здесь происходит? Наверное, по его мнению, плавающие в воде нечистоты могут иметь какое-то иное значение. Увы, мне оно было незнакомо, поэтому я предложила единственно возможное, на мой взгляд, объяснение происходящему:

– Видимо, туалет засорился, Юрий Павлович.

– А то я не вижу, – недовольно пробурчал Креольский. – Меня интересует, как такое могло произойти.

– Даже не знаю, – я аккуратно стала пятиться к две-

ри, так как мозг уже послал импульс полупустому желудку, и тот был готов избавиться от своего содержимого. Конечно, в описываемых обстоятельствах это более чем логично, но шеф все равно бы не понял моего порыва, а вернее, по-зыва.

Креольский заметил, что со мной происходит что-то неладное, и, брезгливо поморщившись, на всякий случай отодвинулся подальше. А затем и вовсе, бесцеремонно оттолкнув, покинул помещение, отдав на ходу приказ немедленно решить вопрос с туалетом. Сказал, как отрезал. Впрочем, как обычно.

Глава третья

*Женщины умирают позже мужчин потому.
Что вечно и везде опаздывают...*

Ф. Раневская

Весь последующий час я исполняла волю руководства. Для начала вызвала аварийную и клининговую службы, чьи представители на удивление явились довольно быстро. Весьма оперативно была выявлена и причина засора – кто-то умудрился засунуть в унитаз огромную тряпку. Чтобы до нее добраться, фаянсовое изделие пришлось разбить. Воду, разумеется, перекрыли и посоветовали вызвать сантехников. За сим «аварийщики» и откланялись.

Вся эта история основательно испортила и без того нерадужное настроение шефа. Он терпеть не мог, когда ход событий отклонялся от его привычного курса. А так как жизнь полна неожиданностей, вообще довольно редко пребывал в благодушном расположении.

А тут еще ему самому пришлось принять кое-какое участие в разруливании ситуации. Больше того! Еще и просить соседей об одолжении. Учитывая, что Креольский не очень-то с ними ладил, миссия далась ему не слишком легко.

Дело в том, что наш офис располагался в одном здании с продовольственным магазином. Когда-то, еще в советские

времена, здесь было некое учреждение, все комнаты которого имели единый проход. Затем ведомство расформировали, здание приватизировали, перестроили и продали с молотка. Одно из помещений выкупил брат нашего шефа, другое – предприниматель из Армении. Первый предоставил родственнику возможность открыть нотариальную контору, второй занялся снабжением жителей близлежащих домов продуктами питания. В проходе поставили железную дверь и надежно заперли на засов. Тесное соседство с торговой организацией по какой-то причине являлось для Креольского раздражающим фактором. Он не раз демонстрировал ее владельцу (весьма радушному и приятному, надо сказать, человеку) свое пренебрежение. И вот теперь именно к нему ему пришлось обращаться с просьбой позволить нам пользоваться туалетной комнатой магазина.

Уж как там велись переговоры, не знаю, но дверь открыли, и я наконец-то смогла набрать воды в чайник. Соседи проход использовали как склад, поэтому вдоль его стен стояли огромные коробки с продуктами, многие из которых выглядели и пахли весьма аппетитно. Протискиваясь мимо них, я пыталась уговорить свой желудок так тоскливо не стонать.

Но тот мой призыв отказывался слышать. Они сговорились с йогуртом, который, видимо, еще больше ощутил всю отчаянность своего одиночества и теперь призывал меня обеспечить его товарищами. Конечно, я бы с радостью удовлетворила его потребности, но не воровать же, в самом де-

ле, еду из магазина!

Так что пришлось ограничиться «носочным» чаем, после чего мой организм смирился со своим положением и решил поберечь силы, что было более чем мудро с его стороны при таком рационе.

В офисе же дела шли как обычно. Андрей принимал посетителей, я оформляла их документы, вносила записи в реестр, выполняла поручения работников конторы. Креольский лишь милостиво ставил свою подпись на бумагах. Хорошо быть нотариусом!

Так, в суете и заботах прошел этот день – точно так же, как множество дней до него и после. По крайней мере, именно так я полагала. Увы, судьба не наградила меня даром предвидения и даже женской интуицией не одарила. Так что никакие предчувствия о грозящих мне крутых жизненных поворотах мою душу не посетили. А жаль... Знай я, что меня ждет впереди, тут же собрала бы чемодан и, подобно Чацкому, отправилась бы к тетке в Саратов.

Глава четвертая

Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть...

Ф. Раневская

– Соня, ты идешь?

Я в очередной раз восхитилась сдержанностью и деликатностью Андрея. В его голосе, конечно, проскальзывало раздражение, но уловить его нотки было не просто. И только отличное знание характера моего возлюбленного позволяло мне безошибочно определить – я снова где-то накосячила. А что делать, если мне вечно не удавалось закончить свои дела вовремя и потому всегда приходилось покидать офис последней? Правда, тот день был исключением – Креольский прочно обосновался в своем кабинете, мотивируя это желанием поработать.

Наскоро собрав вещи, я закинула их в сумочку и побежала за Андрейкой, который решительным шагом направлялся к своей машине. Догнать парня мне удалось только на стоянке. Ну, хоть здесь ему ждать меня не пришлось. Но выяснилось, что теперь ожидание «светило» мне. Андрей растерянно шарил по карманам, явно что-то разыскивая.

– Вот черт, – тихо выругался он, – ключи в офисе забыл. – Grimаса недовольства на секунду изменила лицо моего воз-

любленного, но он быстро взял себя в руки. – Послушай, – Андрей растянул губы в ослепительной улыбке, – не в службу, а в дружбу, сгоняй за ключами, а? – И, улыбнувшись еще шире, добавил: – Тебе ведь это будет полезно.

Какой тонкий намек! Досадливо поморщившись, я, правда, тут же взяла себя в руки, принявшись мысленно убеждать невидимого собеседника в том, что подобные замечания продиктованы исключительно заботой обо мне. Но, как ни пыталась я вызвать у себя чувство благодарности к Андрею, ничего не получалось. Видимо, родители что-то упустили в моем воспитании. Но это ведь еще не повод вести себя по-хамски, не так ли? Поэтому, изобразив на лице радость и взяв под козырек, я помчалась исполнять поручение возлюбленного.

К слову, сделать это оказалось не так-то просто: Андрей куда-то засунул свои ключи, и, как ни старалась я их отыскать, ничего не выходило. Не найдя ничего на столе, в столе, на тумбочке, в шкафу и даже в холодильнике, я в итоге сдалась и набрала номер своего парня в надежде найти если уж не ключи, то хотя бы поддержку и понимание. Тщетно!

– Ну что ты там копаешься, Соня? – недовольным тоном поинтересовался парень. – Сколько тебя можно ждать?

«Столько, сколько нужно», – разумеется, эту фразу я произнесла мысленно. Вслух же сказала совсем другое:

– Извини, Андрюшенька, но твоих ключей нигде нет. Ты уверен, что забыл их в офисе?

– Конечно, уверен. – Парень явно начинал терять терпение. – Я проверил все карманы: и в пиджаке, и в брюках.

– А в портфеле ты смотрел? – робко поинтересовалась я.

– Соня, за кого ты меня принимаешь? – возмутился Андрейка, и я услышала щелчок и шелест бумаг. – Подожди, – недовольно произнес возлюбленный. – Кажется, нашел.

– Ну вот видишь! – Я постаралась скрыть торжество, но Андрей и не думал извиняться.

– Если уж ты там, прихвати красную папку, хочу дома поработать.

– Где она? Ааа, вижу, – я схватила документы и радостно потрусила к выходу.

Плюхнувшись на пассажирское сиденье, протянула возлюбленному пластиковый «уголок». Андрей недовольно поморщился и велел мне держать его в руках. Автомобиль, урча двигателем, повез счастливую пару домой.

Вернее, он повез домой только Андрюшку, высадив меня по дороге возле магазина. Если бы не мой суженый, я бы наверняка снова забыла приобрести сливки.

* * *

– Соня, ты что, забыла закрыть офис? – В голосе Андрея не было недовольства и гнева. Там присутствовал благоговейный ужас – чувство, которое тут же передалось и мне. Близкая к обмороку, я уставилась на дверь конторы – зеле-

ный огонек, подмигивая, сообщал нам о том, что помещение не поставлено на сигнализацию.

Так, спокойно! Это еще не конец света! Ну, не включила я сигнализацию, и что? Есть же еще ключ. Лелея надежду, я потянула дверную ручку и похолодела – створка гостеприимно распахнулась, приглашая всех присутствующих войти внутрь.

О господи! Я действительно не закрыла офис. И теперь меня ждет неминуемая, скорая и ужасная расправа. Оставить нотариальные документы без присмотра на ночь – это не просто оплошность, это настоящее преступление!

Как я могла такое допустить? Конечно, рассеянность и несобранность – мои всегдашние «спутники», но даже для меня ЭТО слишком.

Прокручивая в голове ленту вчерашних событий, мучительно пыталась я отыскать ответ. И нашла!

– Постой, так ведь не мы вчера последние покидали контору. – Груз ответственности, прижавший меня к земле, стал немного легче, и мне даже удалось расправить плечи.

– Ну, конечно! Когда я уходила, в конторе оставался еще и Юрий Павлович! Я еще удивилась, что он не просил меня остаться, но это значит, значит... – Я все еще не могла поверить своему счастью. – Это значит, дверь не закрыл сам шеф! – Плохо скрываемая радость сквозила в каждом моем слове.

Конечно, я переживала из-за того, что наша контора мо-

жет лишиться ценностей, но если бы это произошло из-за меня... Даже подумать страшно, какое наказание могло ожидать меня в этом случае.

Глава пятая

*Все обязательно сбудется! Стоит только
расхотеть...*

Ф. Раневская

Чуть позже выяснится, что подобное развитие событий оказалось бы благом, и незапертый офис – меньшее из предстоящих зол, но, к несчастью, я, как уже упоминалось выше, не обладала даром предвидения, да и интуиция у меня, прямо скажем, весьма «слабенькая». Поэтому в данный момент все шло по единожды заведенному порядку, и я даже не подозревала, что судьба уже занесла свой карающий меч с целью разделить мою жизнь на «до» и «после».

Андрей толкнул дверь, бабульки дружной толпой двинулись за ним следом, по традиции оттеснив меня от двери. Последовала типичная в таких случаях перекличка, и мне наконец-то удалось зайти в контору. Я кинула сумку на стол и осмотрела помещение. На первый взгляд ничего не изменилось. По крайней мере, компьютеры и оргтехника стояли на своих местах, а ведь именно их предполагаемые воры должны были вынести в первую очередь. Значит, есть шанс, что забывчивость шефа по счастливой случайности осталась не замеченной злоумышленниками.

– Вот черт! – Из задумчивости меня вывел окрик Андрея

из соседней комнаты. Будучи помощником нотариуса, Андрюша имел собственный кабинет. Я же делила маленькую каморку с Машей Вольской – первой красавицей конторы.

– Что такое, Андрей Петрович? – На работе я всегда соблюдала субординацию, именую возлюбленного исключительно по имени-отчеству.

– Да комп не грузится.

Щелкнув кнопкой на своем ноутбуке, я поспешила на помощь к возлюбленному. Не то чтобы я понимала что-то в компьютерной технике, но считала своим долгом проявить хотя бы элементарное участие к проблемам суженого.

Глянув на монитор, безошибочно угадала – дело плохо. Мигающая линия «подчеркивания» – единственное, что отображал экран.

– Я вызову Костю, а пока ты можешь воспользоваться моим ноутбуком, – как могла, я успокоила Андрея.

Тот недовольно хмыкнул, но промолчал – даже он не смог бы отыскать намека на присутствие моей вины в данной ситуации.

Вернувшись в кабинет, я удивленно уставилась на монитор своей «машины», который демонстрировал миру ровно ту же картину, что и его «большой» брат в Андреевом кабинете. Странно, похоже, полетела вся наша сеть. Ну ничего, Котя разберется.

«Котей» именовали Константина Сергеевича Одыгайло – системного администратора сорока с лишним лет, занимав-

шегося обслуживанием компьютеров и оргтехники в нашей конторе. Именно к нему мы обращались при возникновении тех или иных проблем. И, нужно сказать, Котя нас ни разу не подвел.

Правда, и проблемы случались сплошь пустяковые. Большинство из них решалось простой перезагрузкой программы. Но даже столь очевидное решение без Коти не находилось. А ведь это мысль! Я утопила кнопку загрузки в надежде, что это поможет реанимировать ноут. И в тот момент, когда мой палец оторвался от серебряного кружка, я услышала душераздирающий вопль.

Откровенно говоря, поначалу я решила, что кричит женщина – уж больно тонким и визгливым был голос, но потом поняла – это вопит мой возлюбленный.

Со всех ног рванула я на звук, намереваясь защитить Андрейку от любой напасти. Правда, по пути мне пришлось изрядно поработать локтями – старушки оказались куда проворнее меня и, услышав крик, покинули обычное место дислокации, устремившись в контору. Теперь они все толпились в коридоре.

Как выяснилось, торопилась я совершенно напрасно. Помощь Андрею не требовалась.

И если уж быть до конца точной, в ней вообще никто не нуждался. По крайней мере теперь уж точно.

Одного взгляда на сидящего в кресле шефа оказалось достаточно, чтобы понять – он глубоко и безнадежно мертв.

Двух мнений по этому вопросу быть не могло, учитывая, каким застывшим и остекленевшим взглядом Креольский смотрел в пустоту. Не составляло труда установить и причину его смерти. Торчащие из груди мужчины канцелярские ножницы говорили красноречивее всяких слов.

Мне кажется, порядочной барышне в подобной ситуации надлежало бы рухнуть в обморок. На худой конец, завопить, что ли. Но, взглянув на Андрюшу, я поняла, что не могу позволить себе ни ту, ни другую «роскошь». Иначе кто тогда приведет моего парня в чувство? Дрожа, словно лист на осеннем ветру, мой возлюбленный явно намеревался сам вот-вот потерять сознание. Единственное, что я смогла придумать в подобной ситуации, так это подойти к нему, взять за плечи и хорошенько потряхнуть.

К сожалению, встряска не помогла – Андрей по-прежнему пребывал в шоковом состоянии. И кто бы его за это осудил, ведь именно он первым обнаружил труп. Стойко пережить такое способен не каждый.

– Андрей, послушай меня! – Я говорила медленно, старательно произнося каждое слово, чтобы донести смысл сказанного до затуманенного сознания парня. – Сейчас мы выйдем отсюда и вызовем полицию. Я дам тебе валерьянки и напою горячим чаем. Все будет хорошо. Ты слышишь меня?

– Ему, сердешному, валидолу бы под язык, – предложила одна из пенсионерок.

– Кому? – ошарашенно спросила я, предполагая, что ба-

булька имеет в виду моего шефа, которого к жизни вернуть могла разве что живая вода, существуй та в природе.

– Да парню этому, кому же еще, – пояснила бабуля.

– Что вы такое говорите? – возмущенно возразила интеллигентного вида пожилая женщина. – При чем тут валидол? У него же не сердечный приступ, в конце концов. Пустырник ему нужен.

– Ой, подышать ему надо правильно, – вступила в разговор еще одна бабуля, – Геннадий Петрович Малахов, например, рекомендует...

Что там советует «народный целитель всея Руси», я не дослушала. Страхнув оцепенение, принялась решительно действовать. Выгнала всех бабушек в холл, отвела Андрея к себе в кабинет, налила воды из чайника и набрала номер полиции. Я достаточно много смотрела детективов и знала – на месте преступления трогать ничего нельзя, поэтому и звонок решила сделать из своего кабинета.

Зубы Андрея выбивали такую чечетку о фарфор, что я начала переживать за их сохранность. Не то чтобы это был такой уж принципиальный вопрос, и все же щербатый мужчина – не мой идеал, поэтому мне пришлось отобрать у Андрюши посуду. Вернее, попытаться это сделать – парень вцепился в чашку мертвой хваткой. Забрать ее удалось только после того, как прибыли полицейские, да и то только тогда, когда тем захотелось побеседовать с «субъектом, первым обнаружившим труп».

Именно так сформулировал свою просьбу-приказ полный дядька, имя и отчество которого я забыла сразу же, как только услышала. Он проводил куда-то Андрюшу, а сам зачем-то остался в моем кабинете. Меньше всего мне сейчас хотелось изображать гостеприимную хозяйку, но и сидеть без дела – тоже не дело. Уж простите за тавтологию. Поэтому я предложила дядьке кофе, чему тот оказался несказанно рад.

Глава шестая

*Если человек сделал тебе зло, дай ему конфетку.
Он тебе зло, ты ему – конфетку, и так до тех
пор, пока у этой твари не разовьется сахарный
диабет...*

Ф. Раневская

Подойдя к столу, я потянулась, чтобы взять кружку, но не удержалась и распласталась на офисной мебели, уткнувшись носом в перекидной календарь, который использовала для записывания важных дел. Перед тем как подняться, машинально скользнула взглядом по серовато-желтой бумаге (шеф щедростью не отличался и приобретал самую дешевую канцелярку) и похолодела – красной ручкой на листе, отмечающем вчерашний день, моей рукой была аккуратно выведена запись: «Убить шефа». Венчали фразу три восклицательных знака, обведенные мною для пущей убедительности. Запись располагалась аккурат между двух других: «Проверить договор» и «Вызвать сантехников». Вот такой нехитрый список дел обычного помощника нотариуса. Справедливости ради следует сказать, что план был выполнен. Не совсем весь мной, но даже шеф, будь он жив, не мог бы предъявить претензий.

Мое сердце отбивало в пятках азбукой Морзе призыв «SOS», а мозг лихорадочно прокручивал ленту вчерашнего

дня, пытаюсь вспомнить, когда и как появилась в календаре обличающая меня надпись. Слава богу, склерозом я не страдала, поэтому довольно быстро восстановила в памяти ход прошедших событий.

После утреннего казуса со сливками я приняла твердое решение последовать совету Андрейки и составлять список из текущих дел, методично вычеркивая затем исполненное. Правда, Андрей утверждал, что это способствует грамотной организации рабочего времени, и ни словом не обмолвился о «побочке» в виде возможного тюремного заключения, маячащего в ближайшей перспективе. С другой стороны, уверена, в местах не столь отдаленных с тайм-менеджментом дело обстоит в полном порядке. Так что, если вдуматься, возлюбленный не так уж и не прав.

Хотя, конечно, знай я, что не приобретенные вовремя сливки запустят цепочку событий, приведших меня туда, где я теперь находилась, накупила бы молочного продукта на год вперед.

Но я этого не сделала. Более того, умудрилась стать главным претендентом на роль убийцы. Вот она – уличающая надпись, бросающаяся в глаза точностью и недвусмысленностью формулировки. К слову, этот ее статус в прочих обстоятельствах мог бы свидетельствовать в мою пользу, ведь все завершённые планы я тут же старательно зачеркивала, и только эта не удостоилась подобной чести. Но, подозреваю, следователь не признает данный аргумент достойным. А зна-

чит, нужно искать другие.

Решение созрело молниеносно – улучив момент, когда дядька-полицейский отвернулся, я быстро перевернула страницу календаря и поставила его на стол Марии, забрав себе ее книжечку. Не то чтобы мне так уж хотелось подставить коллегу, просто надеялась выиграть время. В дальнейшем я планировала просто вырвать злополучный листок и спрятать, а еще лучше съесть его. Чтобы уж наверняка.

– Софья Семеновна, – лихорадочный бег мыслей прервал оклик полицейского. От неожиданности я даже подпрыгнула на месте, теряясь в догадках, заметил ли страж порядка мои манипуляции с канцелярскими изделиями.

Но либо дядька и впрямь ничего не заметил, либо имел какой-то свой, неведомый мне план по разоблачению преступницы, только он и бровью не повел, хотя, как мне кажется, я скрыла замешательство за очень кривой улыбкой.

– Там следователь приехал, – буркнул мужчина и шумно отхлебнул из чашки обжигающий напиток. – Сейчас допросит этого ущербного, а потом ваша очередь.

– Почему это Андрей ущербный? – как тигрица бросилась я на защиту суженого, но дядька и не думал смущаться и уж тем более извиняться. А я еще его кофе пою!

– А какой же он? Бился в истерике, словно красна девица, все боялся, что мы его в убийстве обвиним.

– Ну, знаете, не все же каждый день имеют дело с преступлениями. Тем более что в данном случае пострадал наш

шеф, человек для Андрюши не посторонний.

— Андрюши... Вон оно что... — пробормотал дядька и ухватился в чашку, обхватив ее двумя руками. — Ну, извини, если обидел твоего... — последнее слово он произнес, делая шумный глоток из чашки, так что кем именно, по мнению полицейского, мне приходится Андрюша, я не разобрала. Да и вообще меня больше занимал его переход «на ты». Интересно, что бы это значило? Хороший это знак или не очень? Конечно, это могло означать что угодно: от особого доверия до присвоения мне статуса преступницы. А может, у мужчины и вовсе проблемы с воспитанием. Решив не забивать себе голову ненужными проблемами, я сосредоточилась на имеющихся. И главной из них было удаление злощастного календаря, который располагался в опасной близости от полицейского. Не ровен час, тот заинтересуется планировщиком, и тогда... Что будет тогда, думать особенно не хотелось.

Благо пока мужчина не проявлял никакого интереса к канцелярским принадлежностям. Он с явным удовольствием наслаждался бодрящим напитком и даже не думал демонстрировать по идее свойственную его профессии внимательность.

— Приготовьтесь пока к допросу, — произнес он, видимо, чтобы поддержать беседу.

Кивок головой означал мое согласие, хотя я и не очень хорошо понимала, как именно мне следует готовиться к до-

просу. Или опросу? Свидетелей допрашивают или опрашивают, надо бы поинтересоваться у Google. Рывок к верному, умному и безотказному помощнику оказался совершенно напрасным, учитывая мертвенную черноту экрана.

Как говорится, беда не приходит одна. Более того! Смерть ПЭВМ огорчила меня даже больше, чем кончина шефа. Понимаю, звучит ужасно, но всякий, кто был знаком с Креольским, меня бы прекрасно понял.

Так и не придумав, как именно мне следует готовиться, я принялась ждать вызова на допрос (или опрос), нервно барабанила пальцами по столу. Казалось бы, после приезда оперуполномоченного полицейский мог бы и удалиться, но он отчего-то не спешил покидать контору, расположившись, разумеется, в моем кабинете. Так что увы! С мечтой об уничтожении листка с обличительной надписью пока пришлось расстаться.

То ли я очень понравилась солидному полицейскому, то ли он решил взять меня под охрану, но, расположившись за столом Марии, он и не думал покидать нашу тесную каморку. Самой Маши сегодня не было – у нее случилась очередная личная драма, и она по традиции взяла отгул, чтобы пореветь в подушку. Креольский на удивление спокойно относился к подобным ее пропускам, так как ценным работником Марию даже с натяжкой не назовешь. Держали девушку в конторе исключительно из-за ослепительной внешности – на встречи с VIP-клиентами Креольский всегда брал

именно Вольскую, утверждая, что это настраивает переговоры на нужный лад, создавая благоприятную обстановку для заключения контрактов. В остальное время присутствие девицы на рабочем месте обязательным не считалось.

Вот за ее столом и скучал теперь «дяденька полицейсер». Учитывая обстоятельства, развлекать его мне как-то не особенно «улыбалось». С другой стороны, сломанный компьютер лишал меня всякой возможности изобразить активную трудовую деятельность.

– Хотите кофе? – наверное, в пятый раз спросила я у нежданного визави. Необходимо отметить, что предыдущие четыре он не отказывался, накачавшись бодрящим напитком до самых краев. Остался верен себе и в этот раз, обозначив согласие кивком головы. Подойдя к чайнику, я заметила, что тот пуст. Радостно схватив посудину (наконец-то можно покинуть это царство натянутой тишины), я потрусила к выходу. На пороге что-то заставило меня обернуться. И, как оказалось, весьма вовремя. Скучая, дядька начал перебирать лежавшие на столе предметы. Ни ручка, ни карандаш, ни органайзер интереса, по понятным причинам, не вызвали, чего не скажешь о календаре! Перекинув страницы, полицейский начал внимательно изучать записи, начиная с первого дня. Мои записи! Ничего интересного найти он там не мог, в основном это были глупые рисунки и каракули, сделанные мною в основном тогда, когда Креольский распекал меня по телефону. Но все могло измениться,

и весьма скоро.

Мозг лихорадочно работал, пытаюсь найти избавление от нависшей угрозы. Увы, ничего не выходило! Один за другим откидывала я варианты, как неподобающие случаю. Таким образом, в «топку» отправились идеи с поцелуем дядьки на фоне внезапно вспыхнувшей страсти, моим обмороком, оглушением полицейского чайником по голове, а также его убийство и последующее сокрытие трупа. Время шло, дядька подбирался все ближе к заветной надписи, а я так и стояла истуканом в дверях. В конце концов мужчина оторвал глаза от календаря и удивленно поинтересовался:

– Что-то не так?

Напряжение прошедшего дня вообще и последних минут в частности прорвало плотину, сдерживающую эмоции, и я наконец-то дала волю чувствам, разразившись рыданиями. Получилось спонтанно, но, как ни странно, весьма к месту. В итоге удалось достичь цели – отвлечь дядьку от изучения календаря.

Не то чтобы он сразу же кинулся меня успокаивать, подозреваю, что за годы службы ему доводилось видеть всякое, и я наверняка пополнила список многочисленных рыдающих девиц, коих он лицезрел на местах преступления. И тем не менее, несмотря на подозреваемую мною привычность к подобным зрелищам, очередное такое же вынудило полицейского оторваться от изучения моих записей и заняться поисками носового платка у себя в карманах. Вооб-

еще-то в ящике моего стола лежали бумажные салфетки, но я, по понятным причинам, решила об этом не упоминать.

Глава седьмая

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов...

Ф. Раневская

– Волошин, что здесь происходит? – Грозный голос, возникший, казалось бы, из пустоты, заставил полицейского вскочить, а меня вздрогнуть.

– Да вот, Казимир Модестович, барышня расчувствовалась, – вытянувшись в струнку, отчитался дядька перед тем, кто стоял за моей спиной. Гадая, когда это мы успели переместиться на машине времени в прошлый век, я медленно обернулась к человеку с диковинным для нашего времени именем и отчеством. Удивленный возглас так и не сорвался с моих губ, так как, обернувшись, я наткнулась на стальной взгляд мужчины, по всей видимости, привыкшего к реакции людей на свое имя.

– Семенов, – сухо представился он.

– Алтуфьева, – ответила я. Приветствие больше напоминало «пароль-отзыв», что вполне соответствовало ситуации.

– Пройдемте, гражданка Алтуфьева, побеседуем о прошедшем.

Тон следователя и его взгляд не предвещали мне ничего хорошего. Поставив чайник и бросив прощальный взгляд

на Волошина, мысленно послав ему команду убраться наконец-то из моего кабинета, я поплелась за Казимиром Модестовичем. Дознаватель расположился в кабинете Андрея и по очереди опрашивал (или допрашивал) свидетелей. Меня он вызвал второй по счету, а в холле своей очереди дождались старушки, коих я, на всякий случай, попросила не покидать контору. Вряд ли бабушки могли чем-то помочь следствию, но как знать. Правда, некоторые из посетительниц все же ушли, сославшись на занятость, но большая часть нашей клиентской аудитории предпочла остаться. Еще бы! Такое шоу поинтереснее телевизионного будет.

– Что вы можете рассказать о... – мужчина заглянул в лежащий перед ним листок, – о Креольском Юрии Павловиче и обстоятельствах его смерти? – Парень явно не привык тратить время попусту.

– О мертвых либо хорошо, либо ничего, так что, получается, сказать мне о шефе нечего. – Еще раньше я приняла решение говорить правду, правду и ничего, кроме правды. Тем более что врать все равно не умела.

– То есть можно сказать, вы испытывали к своему начальнику неприязнь? – Умные глаза Казимира Модестовича буравили меня насквозь.

– Можно, говорите, – я выдала жалкое подобие улыбки, за которой попыталась скрыть охватившее меня беспокойство. Направление, в котором двигалась беседа, мне совсем не нравилось.

– А можно ли сказать, что вы его ненавидели?

Конечно, ситуацию трудно было назвать комичной. Тем не менее я рассмеялась, уж больно нелепым показалось мне предположение дознавателя.

– Нет, я считала, что он этого не заслуживал. – Взгляд следователя из проницательного превратился в удивленный. Надо же, а я думала, он робот, которого ничем не проймешь. – Понимаете, я считаю, что ненависть – чувство разрушительное, прежде всего для тех, кто его испытывает. Поэтому, реагируя на выпады Креольского так, как он хотел, я играла бы по его правилам. Шеф относится, – я осеклась и тут же поправилась: – относился к тем, кого принято называть «энергетическими вампирами». – В этом месте следователь поморщился, но я продолжила: – Мой начальник испытывал садистское удовольствие, делая гадости. А следовательно, истеря и плача, я только продлевала бы его экстаз, что не совсем корреспондируется с моими интересами, как вы понимаете. Так что я избрала тактику «почтительно-го игнора».

– И что, помогало? – Следователя явно заинтересовала моя теория. Подозреваю, что у него тоже был свой «Креольский». Хотя у кого его нет?

– Нууу, – протянула я, – как сказать. Смотря что вы понимаете под «помогало». С одной стороны, не достигая поставленной цели, шеф только еще сильнее распалялся. В итоге мне в конторе доставалось больше всех. С другой... Я полу-

чала моральное удовлетворение от того, что не давала ему того, чего он так жаждал: моих слез, страданий и переживаний.

Наши взгляды с Казимиром Модестовичем встретились, и я, помимо интереса, прочла в его глазах уважение. Воодушевленная, я продолжила свое повествование – уж больно не терпелось мне изложить свое мнение об отношениях с Креольским до того, как это сделают «доброжелатели». А может, сказалась неудовлетворенная и столь естественная потребность всякого человека быть выслушанным и понятым.

Увы, я просчиталась, и мои откровения обернулись в конечном итоге против меня же.

– Так может, это вы и убили шефа? – произнес дознаватель проникновенным шепотом, доверительно приблизив свое лицо к моему. Для этого он даже привстал и перегнулся через стол. – Признайтесь, облегчите свою душу. Да и на суде зачтется.

Отпрянув, я попыталась скрыть обуявший меня ужас.

– Вы что, с ума сошли? – Так, Софья, дыши глубже, не делай глупостей. Ты ни в чем не виновата, а значит, и волноваться тебе не о чем. Но я волновалась! И еще как! Паника горячей волной окатила мои внутренности, заставив сердце биться быстрее, сжав легкие и связав желудок в тугой комок. К горлу подкатил рвотный спазм – я ведь так и не выпила свою чашку чая. Глазами размером с блюдце смотрела

я на сидевшего передо мной мужчину. Его, казалось, эта ситуация совсем не касалась. Хотя почему казалось? Она действительно касалась его постольку-поскольку – он просто делает свою работу.

– Понимаю, вам нужно раскрыть преступление по горячим следам или как там у вас это называется? – Я попыталась унять дрожь в голосе, но получилось не очень. Откашлявшись, продолжила уже более спокойно: – Нет, я не убивала Креольского и готова это доказать любым способом. Хотите проверку на детекторе лжи пройду?

Казимир Модестович недовольно скривился, но промолчал. Видимо, старинным у него является не только имя, но и методы работы. Не нравятся мужчине новомодные «штучки». Я же крутила в голове прочие способы доказать свою невиновность. И тут меня осенило! Вот ведь балда, я даже рассмеялась, радуясь неожиданному открытию.

– Алиби! У меня ведь есть алиби! Спросите Андрея, я все время была с ним. Он подтвердит.

Сочувствие во взгляде Семенова оборвало мое веселье. Поблуднев, я схватилась за край стола, опасаясь грохнуться в обморок.

– Что с Андреем? С ним что-то случилось? – Картины одна страшнее другой вихрем пронесли в голове.

– Успокойтесь, Софья Семеновна. Все с вашим парнем в порядке. – Следователь подошел к кулеру, набрал воды и подал ее мне. Ледяная жидкость прошла по горлу и пи-

щеводу, моментально сковав их морозом. Слова следователя не помогли избавиться от беспокойства, ведь, если с Андреем все хорошо, почему этот человек выдвигает такие странные предположения? Уж не думает ли он, что мы с Андрюшей вступили в преступный сговор, вместе прикончив своего «любимого» начальника? Или думает?

Пауза затягивалась, и я вспомнила присказку о том, что затянувшееся молчание означает рождение очередного милиционера. В данный момент появление на свет еще одного представителя этой достойной профессии меня как-то не радовало.

– Камеры наблюдения, – произнес наконец дознаватель тоном мисс Марпл, раскрывшей преступление.

Я непонимающе уставилась на работника правоохранительных органов.

– Что, простите?

– Я говорю, вы забыли про наружную камеру наблюдения.

– Ничего я не забыла. Просто не понимаю, зачем вы ее упомянули.

Следователь устало вздохнул и тоном, которым обычно разговаривают с несмышленными детьми, пояснил:

– Камера зафиксировала, что вчера вы в 17.30 вошли в это здание после того, как его покинули все сотрудники, и пробыли здесь семь минут. Время вполне достаточное, чтобы убить Креольского ножницами, забрать несколько папок и вывести из строя всю компьютерную технику. Из офи-

са вы вышли с огромной сумкой в руках, в которой вполне могут поместиться папки. Что в ней было, ваш жених не знает. Так что все сходится.

Я ошеломленно смотрела на мужчину, не понимая, о чем он толкует. Какие семь минут, какая техника, камеры и папки?!

– Я действительно возвращалась в офис, но за забытыми ключами! Спросите у Андрея, – надеюсь, звучащее в моем голосе отчаяние не будет расценено как косвенное подтверждение вины. Я знаю, что не убивала шефа, но благодаря СМИ мне также отлично известно, что в тюрьмах томится огромное количество невинных людей. Пополнить их ряды отчаянно не хотелось.

– Спиридонов действительно подтверждает вашу версию, что, к слову, не исключает сговор. Но, видите ли, по словам вашего, хм... коллеги, когда он покидал офис, убитый был еще жив. После того же, как вы вернулись в контору, в нее больше никто не входил и не выходил. Мы тщательно просмотрели запись. Так что получается, либо ваш жених врёт и Креольского убили раньше, либо это сделали вы. Тем более что, по вашим же словам, у вас для этого имеются все мотивы.

– Ничего у вас не получается, – выпалила я. – Ничего-шеньки. Вы забываете, что в тот день в офисе не работал туалет, и поэтому была открыта дверь, ведущая в соседний с нами магазин. Так что кто угодно мог попасть в кабинет

шефа, убить его и спокойно удалиться.

Следователь сокрушенно покачал головой, демонстрируя совершенно неискреннее сожаление. Мол, я бы, конечно, поверил вам, но не могу.

– Видимо, именно таким и был ваш план. Да, Софья Семеновна? Наверное, и санузел вы вывели из строя намеренно. Вот только видите ли, какая незадача. Директор «Витража» – того самого магазина, что расположен рядом с вами, – оказался на редкость вредным типом. Вашему шефу еле удалось уговорить его расчистить проход, да и то буквально на несколько часов. Этого вы, наверное, не знали?

Я задумалась – действительно последний раз я посещала дамскую комнату часа за два до окончания рабочего дня, а после, разумеется, не проверяла, открыт проход или нет. Кто ж знал, что эта информация может мне понадобиться?

– Вот такие пирожки с котятами, – развел руками Семенов, – ты их ешь, а они мяукают.

– Но постойте, – мысли в голове путались, решительно не желая складываться в стройный ряд. – Наверное, есть какое-то разумное объяснение произошедшему. Может быть, преступник проник через окно, – с тоской взглянув на зарешеченные рамы, произнесла я упавшим голосом. – Или, ну не знаю, через вентиляцию.

– Ага, или канализацию, – следователь явно развеселился. – Нет другого объяснения, Софья Семеновна. Просто нет. Так что лучше покайтесь. Чистосердечное признание, как го-

ворится, смягчает наказание. И все такое. Я ведь о вашем благе пекусь. Мне-то что? Улик против вас и так достаточно: мотив налицо, возможность имеется. Дело-то, считай, закрыто. Осталось только взять одежду на экспертизу, снять отпечатки пальцев, сравнить их с теми, что на ножницах. Уверен, заключения экспертов лишь укрепят позицию следствия. Кстати, об одежде. Вы ее добровольно выдадите? Тогда оформим как выемку. Можно, конечно, и ордер на обыск вашей квартиры получить. В подобных обстоятельствах это труда не составит.

Меня затрясло мелкой дрожью. Обыск, выемка, экспертизы – давно забытые слова из институтской жизни. Специализируясь на гражданском праве, уголовному я уделяла совсем мало внимания. Выходило, что зря – те знания теперь бы мне сильногодились.

– Конечно, я выдам одежду добровольно. Вот только как это сделать, учитывая, что я сегодня в той же, что и вчера? Не идти же мне домой голой.

Следователь, неожиданно превратившийся в моего преследователя, выглядел озадаченным.

– Вы хотите сказать, что сегодня пришли в том же наряде, что и вчера?

Интересно, что его так удивляет? Неужели в своей практике он имел дело исключительно с гламурными барышнями, меняющими одеяния каждые пару часов? Надо же, какой ревнитель моды.

Правда, эти свои размышления я решила держать при себе, ограничившись коротким кивком, означающим согласие.

– Хм. Как-то нелогично с вашей стороны.

Разыгрываемый в этом театре абсурда спектакль удивлял меня все больше. О чем толкует этот человек? По всей вероятности, Казимир Модестович оказался отличным физиогномистом, что, в общем-то, неудивительно, учитывая специфику его деятельности. Во всяком случае, ответ на мой невысказанный вопрос не заставил себя ждать:

– Просто обычно преступники стараются избавиться от одежды, в которой они совершили убийство. Хотя вы, возможно, полагали, что совершили абсолютное «чистое» преступление. На самом деле это невозможно. При таких повреждениях вас неминуемо обрызгало бы кровью. Пусть даже микроскопическими каплями. И можете не сомневаться – наши эксперты непременно их найдут.

Меня вновь прошибло холодным потом.

– Но ведь кровь могла попасть на мою одежду случайно, когда я подходила к... – в этом месте я запнулась, – к труп. Мне пришлось это сделать, чтобы увести Андрюшу.

Довольная усмешка осветила лицо моего собеседника:

– Хорошая попытка, но, увы, не пройдет. К тому моменту, как Спиридонов обнаружил вашего убиенного шефа, кровь того уже свернулась, так что испачкаться вы в ней могли разве что намеренно. Да и характер следов в этом случае будет совсем иным. Так что извините, Софья Семеновна, версия

не засчитывается.

— Пойдите, но тогда мне и вовсе нечего опасаться! Креольского я не убивала, и, следовательно, никаких брызг его крови на моей одежде вы не обнаружите. Что касается отпечатков пальцев на ножницах, то я не исключаю, что они там будут обнаружены, учитывая, что это офисный инструмент, которым я, как непосредственный помощник шефа, нередко пользовалась.

Семенов молчал. Видимо, это был какой-то ход, чтобы заставить волноваться меня еще больше. Но попытка не прошла — я и так находилась на грани обморока. Понимая, что «любое слово может быть использовано против меня», я тоже решила заткнуться. По крайней мере, пока не соберусь с мыслями. Так мы и сидели с Семеновым, уставившись друг на друга, ожидая, кто заговорит первым. О чем думал дознаватель, мне неизвестно.

Может, решал, как бы ловчее упрятать меня за решетку, а может, мечтал о вкусном борще, ожидающем его дома, и от которого он, благодаря моему упрямству, оказывался все дальше.

К несчастью для него, мое человеколюбие имело свои границы, поэтому при всем уважении к Семенову, взять на себя вину за преступление, которое не совершала, я не могла. Если уж на то пошло, я скорее дала бы следователю умереть с голоду, нежели пойти в тюрьму за убийство Креольского.

Тем не менее сдалась я первой:

– И что теперь? – Вопрос, как мне казалось, носил нейтральный характер, и вряд ли стоило опасаться, что я сильно наврежу себе, его задавая.

Семенов равнодушно пожал плечами:

– Время покажет. Сейчас мы пошлем вашего возлюбленного за одеждой, осуществим выемку той, что на вас, затем отправимся в суд для избрания меры пресечения. Что там решит судья, я не знаю, но, по крайней мере, эту ночь вы точно проведете в СИЗО.

Слова Семенова набатом звучали у меня в ушах, болью отдаваясь в сердце. Ничего себе поворот событий! Как ни крути, а такого я никак не ожидала. В очередной раз судьба повернулась ко мне тыльной стороной, назначив козлом отпущения. Или все же козой? Интересно, как правильно? Хотя, учитывая обстоятельства, не думаю, что есть существенная разница.

Глава восьмая

*Встречается такая любовь, что лучше ее сразу
заменить расстрелом...*

Ф. Раневская

Дальнейшее происходило как во сне. Меня действительно раздели в присутствии женщины-полицейского, произвели выемку одежды, отвезли в суд. Я уже готовилась провести ночь в тюрьме, как и предсказывал следователь, мысленно примеряя на себя сине-полосатую робу, как вдруг все изменилось. Во время слушания в кабинет судьи вошел человек в форме и подал служителю Фемиды какие-то бумаги. Внимательно их изучив, не выражая никаких эмоций, судья постановил меня отпустить, взяв при этом подписку о невыезде.

Не веря в свое счастье, но боясь спугнуть удачу, я решила не выяснять причины принятия столь нелогичного в подобных условиях решения, ограничившись лишь словами благодарности в адрес судьи. В конце концов, какая разница, почему меня отпускают, главное, что это так!

Однако, оказавшись в коридоре, я не удержалась и спросила у Семенова, что происходит? Даже мне, человеку, далекому от уголовного процесса, было ясно – более подходящей кандидатуры на роль обвиняемого у следствия попросту нет.

Но посвящать меня в ход расследования, по всей видимости, в планы Казимира Модестовича не входило, так как он ограничился лишь короткой фразой о вновь открывшихся обстоятельствах. Я было попыталась напомнить ему о своем процессуальном праве знакомиться с материалами дела, коль уж мне выпала «честь» оказаться в роли подозреваемой, но даже ссылка на УПК не возымела действия. Семенов лишь равнодушно пожал плечами, буркнув, что я могу сделать это завтра в его кабинете в рабочие часы.

Да уж, реальность сильно отличается от той, которую демонстрируют адвокатские ток-шоу на ТВ. Но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Радуюсь неожиданно выпавшей возможности провести ночь в своей постели, а не на тюремных нарах, я радостно потрусила домой, решив, что у меня еще будет время выяснить все подробности происходящего.

Подозреваю, Андрей не особенно надеялся увидеть меня так быстро, ибо встретил удивленным возгласом:

– Тебя отпустили? Так скоро? – И, на всякий случай заглянув за спину, уточнил: – Или тебя посадили под домашний арест?

Я прошла в комнату прямо в обуви, решив, что чистота полов – последнее, что должно меня сейчас беспокоить. Усевшись в кресло, усталым взглядом оглядела помещение, неожиданно подумав, что его интерьер, наверное, не так уж сильно отличается от тюремного: те же унылые стены, блек-

лая мебель. Тряхнув головой, я отогнала мрачные мысли, в очередной раз напомнив себе о том, что мне грех гневить судьбу.

– Все потом, потом, – пропела я, пресекая дальнейшие попытки Андрея выяснить подробности случившегося. Наверное, это несправедливо, но мне впервые стало все равно.

Андрей, не привыкший к подобному отношению, обиженно засопел, но выражать свое недовольство вслух все же не решился. Весьма благоразумно с его стороны, так как сейчас я была готова на любые действия – даже скандал.

Наскоро ополоснувшись в душе, юркнула в постель. Стоило моей голове коснуться подушки, как Морфей тут же распахнул свои объятия. Правда, понежиться в них мне в ту ночь оказалось не суждено – ровно в полночь я резко проснулась и поняла, что уснуть вновь мне вряд ли удастся. Какая-то мысль, крепко запертая в подсознании, настойчиво просилась наружу. Что-то не давало покоя, но что именно?

Прошлепав на кухню, я налила себе крепкий кофе и, уставившись в одну точку, принялась прокручивать в голове киноленту событий прошедшего дня. Вот мы пришли в контору, Андрей обнаружил труп Креольского, прибыла полиция, затем меня допрашивает Семенов, вот... Стоп! «Отмотав» немного назад, я вспомнила о перекидном календаре с изобличающей меня надписью. Важная улика так и осталась на столе. Когда я уходила, полицейский, чье имя мне и сейчас вспомнить не удалось, занимался изучением моих

записей. Интересно, дошел ли он до заветной фразы: «Убить шефа»? Что, если да? Возможно, именно поэтому меня и отпустили? А что, я ведь сказала, что календарь принадлежит Марье, то есть фактически повесила на нее свою вину. Хотя о чем это я? О какой вине я говорю? С другой стороны, сейчас это не важно. Значимо другое – по моей вине невиновный человек, возможно, уже томится в тюрьме. Хотя... Что-то тут не сходится... В конце концов, Марье ничего не стоит опровергнуть выдвинутые ей обвинения. Тогда опять же непонятно, почему я до сих пор на свободе? Понимая, что брожу по кругу, я приняла единственно логичное, как мне тогда казалось, решение – отправиться в контору и проверить, на месте ли календарь. Конечно, умнее было бы дожждаться утра, но с каждым часом шансы быть разоблаченной (если этого еще не произошло) значительно увеличивались.

Глава девятая

Я никогда не была красива, но я всегда была чертовски мила! Я помню, один гимназист хотел застрелиться от любви ко мне. У него не хватило денег на пистолет, и он купил сетку для перепелов...

Ф. Раневская

И я действительно отправилась в офис. Разумеется, степень риска мне была ясна и понятна, ведь приди кому-либо в голову просмотреть позднее кадры с камер наблюдения, и количество вопросов следствия ко мне значительно возрастет. С другой стороны, с какой бы стати кому-то просматривать записи теперь, когда все, что можно, уже свершилось? Кроме того, я тщательно подготовилась – натянула на себя темный балахонистый свитер и старые бесформенные джинсы. Волосы собрала в пучок, который, в свою очередь, спрятала под Андреевой бейсболкой. Слегка изменю походку, и все – узнать меня в подобном прикиде не сможет и мама родная.

Разумеется, офис был опечатан, но аккуратно снять наспех приклеенную полицией бумажку оказалось делом пустяковым – значит, не врут сериалы-то. Не составило труда и попасть в здание, которое даже не было поставлено на охрану, что вполне логично – все равно в конторе воровать нечего – компьютеры забрали стражи порядка в надежде

восстановить хранившуюся там ранее информацию, оставшиеся документы – представители городской нотариальной коллегии. Разве что какой вор позарится на скрепки, ручки, карандаши и чайник... Но это вряд ли.

Аккуратно подсвечивая себе сотовым телефоном (включать свет я все же побоялась, а фонарик, само собой, взять не догадалась), я проникла в свой кабинет, где первым делом кинулась к столу Марьи. Вздых облегчения вырвался из груди – календарь на месте! Воскликнув (разумеется, про себя) победное «Йооуу», я уж было вознамерилась схватить злосчастную улику и наконец-то ее уничтожить, но не успела. Честное слово, календарь оказался заколдованным! Иначе как объяснить тот факт, что я вновь отвлеклась от него, скорее почувствовав, нежели услышав за спиной признаки движения.

Обернувшись, я увидела силуэт мужчины. В тот момент мне отчетливо стал понятен смысл выражения: «Вся жизнь промелькнула перед глазами». Перед лицом смерти (а в том, что передо мной убийца, я не сомневалась), мне вспомнилось и мое счастливое детство, и бесшабашное отрочество, и даже толком не успевшая состояться зрелость. И такое отчаяние охватило меня в тот момент – словами не передать. Я ведь ничего не успела! Даже и не любила толком!

Ох, как же это обидно и грустно! Настолько, что я решила дать предполагаемому обидчику решительный отпор! Схватив за чем-то телефон, я направила луч света прямо в лицо

стоящему передо мной человеку. Даже сейчас мне вряд ли удастся объяснить, на что я тогда рассчитывала. Возможно, хотела выиграть драгоценные минуты для поиска подходящего решения. Но, скорее всего, просто действовала импульсивно, без особых далеко идущих вперед планов.

Как бы то ни было, что сделано, то сделано: луч «мобильного фонарика» осветил лицо убийцы и оглушительный крик огласил ночную тишину. Между прочим, это был мой собственный крик – мужчине как раз удалось сохранить хладнокровие в данной ситуации. Хотя оно и понятно. Холодная кровь у этого субъекта теперь будет всегда, ведь у трупов, как известно, иной и не бывает.

А в том, что я увидела покойника, сомневаться не приходилось. Проработав с Креольским бок о бок столько лет, вряд ли я бы спутала его с кем-либо другим.

Итак, передо мной стоял Креольский. Или его призрак? Интересно, сохраняет ли личность человек, который вот уже целые сутки пребывает в царстве мертвых? Юридически этот субъект однозначно мертв, а как насчет всего остального? Вот далась же мне эта чертова терминология! Вечно мое сознание уводит меня в какие-то труднодоступные для восприятия дебри. Как бы то ни было, но, видимо, какие-то незавершенные дела на земле заставили шефа вернуться в мир живых. А тут я. И, как всегда, крайне некстати. Начальник меня и в былые времена не шибко жаловал, а уж теперь...

Во второй раз за день я подумала о том, как бы мне сейчас пригодились умение падать в обморок. Как было бы хорошо сейчас потерять сознание и провалиться так до первых петухов. Вроде бы с утренней зарей нечистая сила растворяется во мраке.

О! А это идея! Как там у Гоголя? Нужно нарисовать вокруг себя круг мелом? Конечно, мела в офисе не сыскать, но где-то на столе валялся белый маркер. Не волшебный, конечно, а самый что ни на есть обыкновенный, но тут уж не до жиру. Быть бы живу! Вдруг на нечисть действует любой круг белого цвета?

Не отрывая взгляд от призрака, я начала спиной пятиться к столу, одновременно вытянув назад руку, пытаюсь нащупать на столе корректор. Наверное, подобало что-то сказать, хотя бы из вежливости. Поинтересоваться, например, у шефа, как там на том свете, или спросить о самочувствии, но, во-первых, меня никто не учил правилам этикета при общении с представителями загробного мира, а во-вторых, весь мой опыт ведения бесед с Креольским свидетельствовал о том, что говорить лучше тогда, когда он это позволит. Но шеф молчал! С другой стороны, с чего я решила, что он вообще умеет говорить? Вдруг эта какая-то особая разновидность фантомов, обладающих способностью только визуализироваться. Вдруг шеф хочет сообщить мне имя своего убийцы, но не может. Представляю, как тогда его злит мое молчание. Мобильник давно погас, а тусклого света

уличного фонаря, проникающего в кабинет через окно, было недостаточно, чтобы разглядеть выражение лица Креольского и разгадать, какое из моих предположений ближе всего к истине.

Я наконец-то нащупала пластиковый карандаш и теперь лихорадочно пыталась снять с него крышку. Увы, то ли ее заклинило, то ли меня, но реализовать задуманное никак не удавалось. И тут призрак сделал то, чего я ожидала меньше всего...

Расхохотавшись, Креольский направил на меня руку, из которой вырвался яркий луч. Пытаясь защититься от слепящего света, я уронила маркер, потеряв вместе с ним последнюю надежду на спасение от нечистой силы.

Но сдаваться просто так я и не собиралась. Что бы там ни задумал мой шеф, ему следует подготовиться встретить решительный отпор. Пусть только приблизится, и я... я... Что именно произойдет в этом случае, додумать мне никак не удавалось.

– Простите, – Креольский опустил руку, и я увидела, что в ней он держит фонарик. Надо же, видимо, сверхъестественные способности призраков, знакомые мне по мистическим книгам и фильмам, не что иное, как плод воображения их авторов. На самом деле посланцам с того света приходится прибегать к вполне земным средствам.

– Простите, – снова повторил призрак, – я не хотел вас напугать.

Надо же, а смерть пошла Юрию Павловичу на пользу. Ранее он никогда не «опускался» до общения со своими подчиненными на «вы». И голос у него стал другим – более мягким и бархатистым. Вот что делает с людьми преждевременная кончина!

Нужно было что-то ответить, но в голову, как назло, не шло ни единой подобающей случаю фразы, поэтому я лишь кивнула, демонстрируя принятие извинений.

– С другой стороны, – произнес Креольский, – теперь мы квиты. Признаться, вы меня тоже очень напугали.

– Я?! Н-н-напугала вас? – От неожиданности я даже начала заикаться. – Юрий Павлович, прошу прощения, если это так, но просто, согласитесь, застать здесь кого бы то ни было в столь поздний час уже странно и страшно, что уж говорить о встрече с вами. Ведь вы в некотором роде... э-э-э, м-м-м... – я запнулась, подбирая нужное слово. Да, уроки общения с представителями загробного мира мне бы сейчасгодились. Знала бы – пересмотрела все выпуски «Битвы экстрасенсов».

Вновь последовала не совсем адекватная реакция шефа. Он снова расхохотался. Ну надо же! В первый раз вижу, как он смеется. При жизни мой начальник и улыбался-то нечасто. Да и то, если можно назвать улыбкой вымученный оскал, который он выжимал из себя на встречах с клиентами. Одним словом, смерть ему явно к лицу.

– Я так и думал, – произнес он, довольно потирая руки,

от чего свет фонаря заплясал на стенах, словно взбесившийся солнечный зайчик. – Что ж, – добавил он загадочно, – а это может быть даже интересным.

– Так что вы здесь делаете, э-э-э, Мария Сергеевна? – спросил призрак, предварительно скользнув лучом по табличке с именем на столе Марьи.

Я недоуменно уставилась на начальника. Бедняжка. Видимо, амнезия является одним из побочных эффектов кончины.

– Юрий Павлович, вообще-то я Соня, вы помните меня? – Хотя что это я? Шеф никогда не называл меня по имени, не уверена, что он вообще его знал. – Ну, вспомните, я ваша помощница Алтуфьева. Нет, не помните? Недоразумение ходячее, несчастный случай, ваша самая большая ошибка, – я старательно перечисляла прозвища, которыми Креольский щедро награждал меня ежедневно.

– Достаточно! – В голосе шефа послышались знакомые стальные нотки. Видимо, мои усилия не прошли даром, и он вспомнил и меня, и нашу с ним манеру общения. – Так что вы здесь делаете, Алтуфьева? – повторил свой вопрос Юрий Павлович.

Странно, я думала, им там сверху все видно! В любом случае говорить правду мне не очень хотелось. Сами подумайте, как это будет выглядеть: я же написала, что хочу его убить. Кто знает, вдруг амнезия распространилась и на события вчерашней ночи, и шеф не помнит, кто именно его кок-

нул. А тут я такая, считай, с признанием на блюдечке с голубой каемочкой. Ну уж нет! Нужно что-то быстро придумать!

– Э-э-э, видите ли, я думала, что, уходя, забыла... забыла... – тут мой взгляд упал на керамическую чашку, в которую я так и не успела налить кофе полицейскому, – забыла выключить чайник! – радостно закончила я фразу.

– Да? – с сомнением покачал головой Креольский. – А разве тот не выключается автоматически?

Хм, видимо, и впрямь у шефа в связи со смертью отбило начисто память. Вот же ж бедняжка. Хотя, если вдуматься, амнезия все же не самое плохое, что с ним произошло.

– Юрий Павлович, вы что, забыли? Вы же сами всегда настаивали, чтобы я, уходя, выдергивала все вилки электроприборов из розеток. Даже расписку с меня взяли об ознакомлении с правилами пожарной безопасности. И я всегда... Вы же знаете... Неукоснительно... А тут в связи... В связи... – подходящие слова никак не приходили мне в голову. В конце концов, наверное, не очень вежливо напоминать человеку о его кончине. – В связи со случившимся, – наконец-то мне удалось выкрутиться. – В общем, я попросту не успела, так как прямо из офиса меня увезли в суд.

– Ах, вот оно что! Тогда, конечно! Это многое объясняет. Бедняжка, мой брат, видимо, не слабо запудрил вам мозги, коль скоро вы не побоялись явиться одна на место, где недавно было совершено убийство.

– Ну да, ваш брат это умел, – произнесла я автоматически

и тут же спохватилась.

– Простите, кто? Вы сказали, ваш брат? – Шестеренки в моей голове заработали так быстро, что, казалось, звук их движения заполнил собой всю комнату. Сложив «два и два», мне удалось-таки понять, «ху из ху» в этой комнате.

– Так вы с шефом близнецы? – Проводись сейчас соответствующий конкурс, мне бы наверняка присудили на нем звание «Мисс очевидность».

Вжав голову в плечи, я приготовилась выслушать какое-нибудь едкое замечание – неизбежное, окажись на месте своего брата сам шеф. Как ни странно, но никаких шуточек не последовало. Вместо этого второй Креольский, как я тут же окрестила про себя собеседника, галантно поклонился и протянул мне руку:

– Разрешите представиться, Олег.

Я осторожно пожала протянутую мне ладонь, опасаясь ощутить ее мертвенную холодность – где-то на краю сознания мне все еще казалось, что передо мной мой покойный шеф – больно поразительным было сходство двух братьев. Вопреки опасениям, рука оказалась вполне себе теплой. Нормальной такой температуры.

– Простите Олег, э-э-э, как вас по отчеству?

Мужчина засмеялся, а до меня не сразу дошло, что его развеселило. Поняв, наконец, какую сморозила глупость, густо покраснела. Хорошо еще, что царившая в комнате темнота скрыла мое смущение.

– Ой, простите, ну, конечно, Павлович. Так вот, Олег Павлович, могу ли я задать вам встречный вопрос? Что вы здесь делаете в столь поздний час?

Второй Креольский (интересно, он младший или старший) пожал плечами и промолчал. Хм, видимо, сходство с братом все же не только визуальное. Тот также игнорировал вопросы, на которые не хотел отвечать. Ну и ладно. В конце концов, мне нет никакого дела до этого субъекта и его передвижений в пространстве. Куда сильнее меня должен волновать календарь, до которого мне в очередной раз так и не удалось добраться. Радует, правда, что он по-прежнему на месте, а это значит, что и полиции о нем все еще не известно. Но, если позволить ему остаться на столе Марьи, это окажется только вопросом времени. Или нет?

До этого момента я как-то не особенно задумывалась о судьбе конторы. А следовало бы. Интересно, что нас всех ждет? Нужно ли завтра являться на работу, учитывая обстоятельства? Вспомнив бумажную ленту на двери офиса, я подумала, что вряд ли утром тут будут толпиться посетители. А хоть бы и так, принимать их все равно некому.

То есть... Мысли роились в моей голове, перескакивая с одной на другую. Креольский умер, не дотянув несколько дней до выплаты жалованья. Может, и не самая большая из моих проблем, но скоро придется платить по счетам, а денег у меня кот наплакал. В Андрюшины финансы я никогда не лезла, но в любом случае его деньги – это ЕГО деньги,

мне же придется «туго».

Не говоря уже о том, что теперь придется искать новую работу. Или нет? Судьба конторы до сего момента меня совершенно не заботила. Оно и понятно, но сейчас самое время подумать об этом. Креольский почил в бозе, и, следовательно, место нотариуса оказалось вакантным. То есть теперь его вполне может занять Андрейка, а это означает... Это означает, что у меня был еще один мотив убить шефа! Во всяком случае, с точки зрения следствия. Почувствовав холодные капли пота на лбу, я потянулась за лежащими на столе бумажными платками, оставленными добрым полицейским. И тут мой взгляд вновь упал на злосчастный календарь. Вот ведь! Да что же это такое! Прав был покойный шеф – никчемный я человек, даже такую простую задачу, как забрать календарь, и то решить не могу.

Как же быть? Второй Креольский явно не собирался покидать кабинет. Кто знает, что именно привело его в офис в столь поздний час, но вряд ли стоит рассчитывать на то, что он меня здесь оставит. Надо было все же придумать какую-то иную причину моего визита сюда. Сказала бы, что жажду поработать с документами или... помедитировать в ночной тишине. Но теперь уже поздно махать кулаками – драка явно закончена. Дело сделано. Вернее, снова не сделано.

– Вас проводить? – как будто прочитав мои мысли, поинтересовался Креольский.

– Нет, нет, спасибо. Если позволите, я еще побуду. Вещи кое-какие заберу, а то, знаете, неизвестно, когда вновь удастся сюда попасть.

– Думаю, – свет фонаря скользнул по стене, подсветив висевшие на ней часы, – очень скоро. Я планировал собрать всех завтра... Вернее, уже сегодня. Необходимо решить судьбу конторы, а также выяснить кое-какие вопросы.

Надо же, а Креольский времени даром не теряет. По всему видно – деловой человек. Я знала, что отношения шефа с братом нельзя назвать очень теплыми, но чтобы настолько... Не о том, снова не о том думаешь, Алтуфьева. Какое тебе до этого дело? Займись-ка лучше своими проблемами.

– Эээээ, что ж, тогда встретимся позже? – спросила я, по-прежнему не двигаясь с места.

– Да, да, конечно, разрешите, подсветить вам дорогу, здесь все-таки очень темно, – галантно предложил мой неожиданный визави. Еще одно отличие от брата. Тот в подобных обстоятельствах вполне спокойно предоставил бы мне возможность расквасить нос в потемках. Как бы то ни было, но это свойство второго Креольского в конечном итоге сыграло мне на руку, так как в тот момент, когда он отвернулся, освещая путь, я успела поменять календари на наших с Марьей столах. Жаль, конечно, что не удалось вырвать листок со злополучной записью, но, по крайней мере, теперь мне не грозит разоблачение со стороны соседки по кабинету. Возможно, завтра мне наконец-то удастся улучшить момент

и уничтожить улику. Если, конечно, на Землю не нападут пришельцы или не упадет огромный астероид. После прошедшего дня и текущей ночи меня подобное развитие событий ничуть бы не удивило.

Глава десятая

*Отпускайте идиотов и клоунов из своей жизни.
Цирк должен гастролировать!*

Ф. Раневская

Вот уже второй час я сидела на кухне, уставившись на белое полотно лежащего передо мной листа. По дороге домой из офиса мне пришла идея систематизировать хаотичные мысли, вихрем носившиеся в голове. Почему-то я была уверена, что это поможет, если не в поиске выхода из ситуации, то хотя бы в обретении относительного покоя. И вот теперь выяснилось: я даже не знаю, с чего начать. В очередной раз взяв ручку и поднеся ее к бумаге, я снова вздохнула и положила ее. Так, пожалуй, мне нужна передышка.

Налив воду в турку, поставила ту на огонь. Рассеянно глядя на безмятежную пока еще гладь, размышляла о том, что вот так же и моя жизнь из спокойной и размеренной неожиданно превратилась в кипяще-бурлящую. Насыпала в емкость кофе, старательно размешала, дождалась, пока появится пенка, и сняла турку с огня. Восхитительный аромат проник в ноздри, раздражил вкусовые рецепторы. Те послали сигнал мозгу, и рот тут же наполнился слюной.

– О, ты уже встала? И кофе сварила. – От неожиданности я едва не подпрыгнула на месте, лишь чудом не уронив чашку

и не расплескав горячий напиток.

Обернувшись, увидела Андрейку. Он стоял передо мной как есть, во всей своей неприглядной красе – в нелепых боксерах с изображением ушастых зайцев, символизирующих знаменитую на весь мир торговую марку, и белой майке, которая была так к лицу Брюсу Уиллису в «Крепком орешке» и совсем не подходила моему возлюбленному.

Интересно, он будет ждать меня из тюрьмы? – вопрос возник в голове неожиданно, что называется, из ниоткуда. Так же стремительно отыскался и ответ на него.

– Извини, Андрей, но я думала, ты спишь, поэтому кофе сварила только себе.

Андрейка уж было хотел что-то возразить, но, встретившись со мной взглядом, благоразумно решил промолчать.

– Соня, – проникновенным голосом произнес он, взяв меня за руку. – Я хочу, чтобы ты знала... Я понимаю, каково тебе сейчас, и я... В общем... Я ни в чем тебя не обвиняю. Я все понимаю – Креольский был деспотом и тираном, и тебе от него доставалось особенно...

Надо же! Шефу пришлось умереть, чтобы мой возлюбленный наконец-то понял, что тот собой представляет. До этого мне не разрешалось жаловаться на нашего благодетеля. Даже когда тот был особенно невыносим, Андрей всегда находил возможность найти оправдание его поведению. И вот теперь вдруг выясняется, что он все про него понимал и знал. Удивленно внимая проникновенной речи Андрейки, я без-

успешно пыталась понять, куда клонит мой возлюбленный, не в силах поверить в очевидное.

— Соня, просто я, как юрист... Весьма, кстати, неплохой, — как всегда, Андрей не упустил случай похвалить себя, — я советую тебе во всем признаться. Соня, если это ты... В общем, ты же знаешь, чистосердечное признание смягчает наказание. Обещаю, что лично буду защищать тебя на суде. Нам наверняка удастся доказать преступление в состоянии аффекта. А это уже совсем другая статья. На условный срок, конечно, рассчитывать не приходится, но при хорошем раскладе и примерном поведении ты будешь на свободе уже года через три. Максимум через пять! Но все это при условии, что ты во всем признаешься и согласишься сотрудничать со следствием. Иначе тебя ждет куда более суровое наказание. Ты же тоже юрист, Соня! Должна это понимать!

Наверное, мне следовало возмутиться. Или разрыдаться. Или вцепиться Андрею в волосы. Или расцарапать ему лицо. Или совершить какой-то иной отчаянный поступок. Но ничего такого я не сделала. Просто потому, что все происходящее меня отнюдь не удивило. Мужчина, с которым я прожила бок о бок целый год, никогда меня не знал и не понимал. И, как я это почувствовала теперь совершенно отчетливо, не любил.

Стоило ли удивляться тому, что он так легко признал меня виновной и даже приговорил и назначил наказание? Отнюдь.

Гробовое молчание воцарилось на кухне. Методично помешивая ложкой успевший остыть кофе, я размышляла о том, что теперь ко всем моим проблемам прибавилась еще и необходимость искать себе угол. На первых порах живу у Маринки, а там будет видно. Надо только посмотреть во врученном судом постановлении, можно ли мне менять место жительства в пределах города. Насколько я помню – подписка не запрещает передвижение по одному населенному пункту.

– Послушай, Андрей, нам нужно собираться в офис. Давай поговорим об этом после, – наконец решила я нарушить тишину. Смесь обиды и удивления отразилась на лице парня. Конечно, он не привык к подобному обращению, но что делать – все когда-то бывает впервые.

– Соня, милая, о чем ты? Какая работа? Ты понимаешь, что тебе грозит?

Вместо ответа я ограничилась пожатием плеч. А затем и вовсе встала и покинула кухню.

– Ты со мной? – крикнула из комнаты, натягивая джинсы.

– Да, да, я все понимаю, – Андрей появился в комнате и принялся поспешно одеваться. – Посттравматический синдром и все такое. Это пройдет. Конечно, пройдет. Ты только не волнуйся, ладно? Все будет хорошо!

Ага, конечно, каких-то пять лет тюрьмы, если повезет, и на свободу с чистой совестью. И чего беспокоиться?

Глава одиннадцатая

Когда мне было 20 лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

Ф. Раневская

– Удивительное сходство с шефом, – хотя мы и находились в кабинете одни, Марья почему-то говорила шепотом.

Мы прибыли в офис полчаса назад, но я все еще не видела второго Креольского. Тот заперся в кабинете брата и по очереди вызывал сотрудников для беседы. У него уже побывала Марья, а теперь он разговаривал с Андреем. Моя очередь еще не подошла.

Маше, которая вчера пропустила все самое интересное, теперь не терпелось поболтать. В общем-то, не мне ее за это осуждать. Поменяйся мы с ней местами, я бы наверняка не отказала себе в удовольствии обсудить все подробности, но сейчас меня куда больше волновало другое. Дело в том, что злополучный листок, надпись на котором свидетельствовала о моем явном намерении расправиться с шефом, куда-то исчез! Как говорится, мало было проблем.

Щелкнула кнопка электрического чайника, возвещая, что вода в нем достигла критической температуры. Марья вскочила и принялась заваривать чай, не замолкая при этом ни на минуту, тем самым лишая меня возможности обдумать

происходящее.

– Представляешь, они похожи, как близнецы.

– Так они и есть близнецы, – уточнила я машинально.

– Ах, ну да, – Марья, кажется, совсем не замечала моей рассеянности, хотя я всем своим видом демонстрировала явное нежелание участвовать в беседе. – А ты откуда знаешь? Хотя не важно! Важно то, что брат шефа куда приятнее его самого. Ну, не внешне, в смысле. Просто он такой обходительный и учтивый, и... – Уловив знакомые нотки в голосе коллеги, я взглянула на нее с удивлением.

В такие минуты, а они случались довольно часто, Маша была особенно хороша. Этот блеск в глазах и естественный румянец ей чрезвычайно шли. Природа щедро наградила Марию и ростом, и статью, и привлекательной внешностью. Даже удивительно, как с таким «богатством» ей удавалось терпеть одну любовную неудачу за другой. На любовном фронте Марье паталогически не везло. И ведь не сказать, чтобы она предъявляла завышенные требования к своим избранникам. От тех всего-то требовалось быть успешными и богатыми. Все остальное значения не имело. При этом от поклонников, обладающих подобными характеристиками, у Маши всегда не было отбоя, вот только под венец нашу красавицу никто из них вести не торопился.

Хорошо еще, что, обладая легким нравом, девушка быстро отходила от любовных неудач – стоило на горизонте замаячить мало-мальски подходящей замене, как наша Маша

сразу забывала объект былой страсти и снова оказывалась «в строю». Так было и в этот раз. Всего пару дней назад шеф отправил мою коллегу домой «зализывать душевные раны», а она уже наметила себе новую жертву для обольщения. Способность к регенерации у нее как у ящерицы – на месте отвалившегося «хвоста» всегда вырастает новый.

Хотя сейчас душевное состояние коллеги меня волновало менее всего. Тут бы со своим разобраться. А оно было совсем не «ах». Особенно теперь, когда я обнаружила пропажу записи, способной в мгновение ока упрятать меня в тюрьму на долгие годы. Теперь «картинка», нарисованная Андреем, не казалась такой уж мрачной – как известно, убийство в состоянии аффекта куда лучше хладнокровного. А если в руках следствия окажется запись, свидетельствующая о тщательном планировании мною совершенного преступления, внезапное возникновение сильного душевного волнения доказать вряд ли удастся.

Да уж, влипла ты, Алтуфьева, по самую маковку!

– Соня, – голос Андрейки вывел меня из задумчивого небытия, – тебя к шефу вызывают. – И, заметив мой недоуменный взгляд, молодой человек тут же поправился:

– В смысле, к Олегу Павловичу.

Похоже, удивительными регенерирующими способностями в нашем офисе обладает не только Мария. Андрей достаточно быстро оправился от смерти «любимого» начальника и уже готов присягнуть на верность новому. Что ж, не скажу,

что меня это сильно удивляет.

– Можно? – Креольский номер два даже не удостоил меня взглядом, лишь коротко кивнул, выдавая высочайшее разрешение войти в кабинет. Закрыв дверь, я нерешительно топталась у двери, так как шеф всегда держал меня на пороге. Кто знает, вдруг это у них семейное?!

Не знаю, сколько прошло времени. Уверена – не более нескольких минут, но мне они показались часами, так неловко я себя чувствовала, торча столбом у двери. Снять напряжение мог бы новоиспеченный шеф, но он не торопился с этим, продолжая делать пометки в планшете. Наконец он отложил электронного помощника в сторону и поднял на меня глаза.

– Что вы там стоите? – поинтересовался он довольно резким, как мне показалось, тоном. – Я не кусаюсь, так что можете смело подойти ближе, тем более что разговор нам с вами предстоит долгий.

Я торопливо подошла к столу и аккуратно присела на самый краешек кресла для гостей. Креольский усмехнулся, но промолчал.

– Софья... – произнес он и, заглянув в лежащий перед ним список сотрудников, добавил: – Семеновна. Так как мы с вами, ээээ... в некотором роде уже знакомы, позвольте без лишних околичностей перейти прямо к делу.

Я кивнула в ответ. Молчание, как известно, – золото, в обстоятельствах же, когда все сказанное может быть использо-

вано против тебя, ценность его и вовсе нельзя измерить.

Не дождавшись словесного подтверждения моего согласия, Креольский номер два продолжил:

– Мы с Юрой... – мужчина запнулся, и я с удивлением увидела, что он пытается справиться с охватившим его волнением. Надо же! Так странно видеть шефа в таком состоянии! Конечно, я понимала, что сидевший передо мной человек вовсе не мой начальник, но, учитывая поразительное внешнее сходство, отделаться от ощущения, что я беседую с Креольским Ю. П., никак не удавалось.

Наконец мужчине удалось совладать с эмоциями, и он продолжил довольно спокойно:

– Наши с братом пути разошлись довольно давно. Не хотелось бы вдаваться в подробности, скажу только, что мы не общались очень долго. Когда Юра решил открыть нотариальную контору, мы уже были с ним в ссоре, но я все равно считал своим долгом помочь ему, купив этот офис, – в этом месте Креольский повел рукой вокруг себя. – Да вы и сами, наверное, это знаете.

Я кивнула, вновь не проронив ни звука. Шеф никогда не упоминал, что контора ему не принадлежит, и вообще всегда вел себя в ней, словно полноправный хозяин, но истинное положение дел было хорошо известно всем и каждому. По большому счету, семейные проблемы начальника никогда не волновали меня прежде, и смерть Креольского номера один на это не повлияла. Так что пока я ничего интерес-

ного лично для себя в нашей беседе не находила. Да и вообще, из головы все не шел злополучный листок. Его судьба интересовала меня куда больше непростых взаимоотношений братьев Креольских. При всем моем к ним уважении.

Как будто угадав, о чем я думаю, а возможно, прочитав их на моем лице – я никогда не умела скрывать свои эмоции, Олег Павлович неожиданно сменил тон на холодно-деловой и наконец-то перешел к делу.

– Софья Семеновна, у меня к вам деловое предложение, – произнес мужчина и добавил без лишних околичностей: – Вы поможете мне найти убийцу моего брата, а я отдаю вам эту контору.

Ничего себе, поворот событий! Ожидая от этой встречи чего угодно, но никак не этого, я, хоть и не могла видеть себя со стороны, подозревала, что сильно смахивала на выброшенную на берег рыбу. Выпучив глаза и глотая ртом воздух, пыталась унять беспорядочный рой мыслей, поймав среди них ту, которая поможет мне разобраться в происходящем. Что это? Шутка? Какой-то странный розыгрыш? Развод? Афера или мошенничество? Все варианты выглядели весьма сомнительно, но всяко лучше предложения сидящего передо мной мужчины.

– Не поняла, – наконец выдавила я из себя.

– Что тут непонятного? По-моему, все предельно просто: вы помогаете мне разобраться в происходящем, а я отдаю в ваше распоряжение все это, – Креольский вновь обвел ру-

кой вокруг себя.

– Олег Павлович, – растягивая слова и тщательно подбирая каждое выражение, ответила я, – вряд ли в офисе кто-то более меня заинтересован в том, чтобы истинный убийца наконец-то был найден. Вам, наверное, не известно, но в этом деле по счастливому, в кавычках, стечению обстоятельств именно я являюсь подозреваемым номер один.

– Уже нет, – возразил Креольский, продолжая пристально меня рассматривать, от чего мне все больше становилось не по себе. Смею себе напомнить вам в который раз, что мой собеседник словно две капли воды похож на человека, попившего немало моей крови и, хотя вполне возможно, сходство и ограничивалось исключительно внешне, доверять этому человеку у меня не имелось никаких оснований.

– Подождите, – мне наконец пришло в голову задать вполне закономерный вопрос, – вы что-то знаете?

– Конечно, а вы разве нет? – удивленно поинтересовался Креольский. – Да уж, вот ведь дела. В общем, вчера стало известно обстоятельство, указывающее на то, что убийство моего брата могло быть совершено третьим лицом. И хотя следствием до конца с вас и не сняты подозрения, я склонен думать, что вы как раз тут совершенно ни при чем.

Сев, а вернее, упав в кресло для посетителей, в буквальном смысле слова не чувствуя под собой ног, я удивленно смотрела на собеседника, всем своим существом обратившись в слух, справедливо рассчитывая на продолжение.

Но тот, видимо, решил поиграть в «молчанку», продолжая задумчиво меня рассматривать.

«Ах так, господин Креольский! Что ж, тогда и я не стану обсуждать с вами детали какого-то сотрудничества».

— До тех пор, пока вы не расскажете о тех самых таинственных обстоятельствах, о которых хорошо известно всем, кроме меня, дальнейшие переговоры не состоятся, — озвучив свои мысли, я скрестила руки на груди и поджала губы.

Конечно, это был чистой воды блеф. Даже представить себе не могу, каким образом я могу помочь в поимке убийцы, но, если этот субъект по неведомым мне причинам полагает, будто мне это под силу, разубеждать его не стану. Во всяком случае, пока не выясню, что именно ему известно.

Креольский в ответ на мой выпад лишь усмехнулся и жестом фокусника, извлекающего из цилиндра кролика, достал из кармана какой-то листок и помахал им в воздухе. Одного взгляда на прямоугольник бумаги оказалось достаточно, чтобы мое сердце отчаянно забухало в пятках. Конечно, это оказалось злополучное свидетельство моего намерения убить шефа. Видимо, мои манипуляции с ежедневниками все-таки не укрылись от Креольского. Как всегда, винить в происходящем мне приходилось только себя!

— Скажите, Софья Семеновна, это вы написали? — тоном прокурора, зачитывающего обвинение подозреваемому, произнес Олег Павлович.

Решив вспомнить о данном мною обете молчания, я замо-

тала головой, лихорадочно соображая, чем мне все это грозит и как найти выход из сложившейся ситуации.

Так и не дождавшись ответа, Креольский вздохнул и произнес устало:

– Вы, вы, кто же еще. Ежедневник-то точно ваш. Конечно, я мог бы использовать эту улику для того, чтобы принудить вас к сотрудничеству, но не стану. – С этими словами мужчина взял лежащую на столе зажигалку и поджег злополучный листок.

Языки пламени проложили ровную дорожку прямо посередине листа, разделив его надвое, и коснулись пальцев Креольского. Чертыхнувшись, тот бросил бумагу в стоящую на столе пепельницу. Наблюдая, как догорает важная улика, я пыталась сообразить, что за игру затеял этот субъект. В то, что разыгранное на моих глазах огненное шоу было актом грандиозного спектакля, сомневаться не приходилось. Как-то слабо верилось в бескорыстие человека по фамилии Креольский. Может, меня и не назовешь объективной, но тот, кому «посчастливилось» знать шефа, вряд ли осудит меня за это.

– В чем подвох? – поинтересовалась я, скрестив на груди руки, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

– Ни в чем, – собеседник устало откинулся на спинку кресла и посмотрел мне прямо в глаза. От этого взгляда моя кожа покрылась мурашками – отделаться от ощущения, что передо мной воскресший из мертвых начальник, никак

не удавалось. – Видите ли, несмотря на наши с братом разногласия, а возможно, именно из-за них, я во что бы то ни стало должен найти убийцу. Сам. Если хотите, это мой долг перед покойным. При этом я исключил вас из числа подозреваемых. Даже несмотря на это, – мужчина указал взглядом на горстку пепла, причудливым узором украсившую хрусталь. – Кроме того, полиция установила, что по крайней мере еще у одного человека, кроме вас, имелась возможность совершить убийство.

– Что?! – на этот раз я не сдержалась и дала волю эмоциям. – Как это? Что вы имеете в виду, и почему никто не сообщил мне об этом небольшом «пустячке», ничего не значащей «детали»?

Креольский номер два пожал плечами:

– Если вы не станете меня перебивать и дослушаете до конца, то сможете познакомиться и с этим «пустячком», и со всеми другими, которые мне известны по этому делу.

Решив последовать этой рекомендации и напомнив себе об обете молчания, данном ранее, я плотно сжала челюсти, запечатав их сургучом. И весьма своевременно, кстати, ибо рассказ Креольского оказался крайне интересным. Оказывается, в тот момент, когда судья готовился вынести решение о заключении меня под стражу как наиболее вероятного убийцу шефа, эксперт, изучив записи с камеры наблюдения, обнаружил интересную деталь: количество вошедших утром в офис людей и покинувших его позднее не совпало. Выхо-

дило, что кто-то находился в конторе в тот момент, когда Андрейка обнаружил труп. И этот таинственный «некто», смешавшись с толпой, ретировался еще до приезда стражей порядка. Более того! Человек совершенно точно знал о камере и месте ее расположения и явно не жаждал стать звездой экрана, предусмотрительно отвернулся от «всевидающего ока». И самое главное (барабанная дробь), в руках некто нес пакет, в котором вполне могли уместиться несколько нотариальных дел. Качество записи на нашей камере всегда оставляло желать лучшего (знал бы шеф, что все так обернется, не стал бы экономить на видеоаппаратуре), что, безусловно, сыграло на руку предполагаемому убийце. «Предполагаемому», так как следствие по-прежнему не исключило из числа подозреваемых мою скромную персону, хотя наличие «конкурента» и основательно испортило выстроенную им версию.

В общем, полицейский эксперт сейчас пытается «вытянуть» из записи все возможное, но, по мнению рассказчика, это путь в никуда. Одно очевидно – причину нужно искать в делах фирмы, ведь не случайно из офиса пропали многие документы, а сеть так своевременно сгубил неизвестный вирус. Вот почему господину Креольскому (номер два) так нужна моя помощь, ведь, по словам прочих служащих, никто другой не был осведомлен о делах шефа лучше меня.

В этом месте я все-таки решила нарушить обет молчания, чтобы заметить:

– Мне, безусловно, очень льстит столь высокая оценка моей деятельности со стороны коллег, но, боюсь, они заблуждаются. Креольский... – я запнулась, быстро взглянув на сидящего передо мной мужчину, – в общем, Юрий Павлович не раз упоминал о том, что его правой рукой и наиболее вероятным преемником является Андрюша... То есть Андрей Петрович Спиридонов. Тем более что он уже и экзамен сдал и лицензию получил.

На собеседника мои слова не произвели ровным счетом никакого впечатления. Во всяком случае, вдохновленным он не выглядел. Поморщившись, он пояснил свою позицию:

– Мне совершенно все равно, что там говорил мой брат и что думает о себе ваш парень. – В этом месте собеседник вновь пристально посмотрел мне в глаза. – Я ведь прав, Спиридонов что-то вроде вашего жениха?

Конечно, меня покорило это «что-то вроде», но вдаваться в подробности было не место и не время, поэтому я предпочла ограничиться коротким кивком.

– Так вот, – спокойно продолжил ближайший родственник шефа, – я прекрасно разбираюсь в людях и кое-что смыслю в бизнесе, поэтому мне отлично известно, что есть руководители, а есть «рабочие лошадки». Поэтому, когда мне нужна достоверная информация о том или ином деле, я всегда предпочитаю иметь дело с последними.

Дожили. Теперь меня еще и с лошадкой сравнивают. Креольский номер один, конечно, был редкостным гадом, но да-

же он никогда не позволял себе ничего подобного.

Словно прочитав мои мысли, мужчина пояснил:

– Соня, вас не должны обижать мои слова. Напротив, расценивайте их как комплимент. Тем более что я ведь прошу вас мне помочь отнюдь не безвозмездно. Еще раз напоминаю – в ответ на сотрудничество я отдам вам эту контору.

– И что я буду с ней делать?

Креольский пожал плечами:

– А что хотите. Можете подарить своему жениху, он ведь спит и видит занять место моего брата, что, кстати, делает его наиболее вероятным кандидатом на роль убийцы, а можете и сами стать нотариусом.

– Я?!!

– А почему вы так удивляетесь? Высшее юридическое образование и стаж работы в нотариальной конторе позволяют вам на это претендовать, а моя помощь – рассчитывать на благоприятный исход дела.

Да уж! Что-то в последнее время судьба «радует» меня невероятными кульбитами. Из потенциальной заключенной так быстро превратиться в возможную владелицу нотариальной конторы... Интересно, что меня ждет завтра? Пожизненный срок или министерское кресло? Не удивлюсь ни тому, ни другому варианту.

– Хорошо, допустим, я скажу, что меня заинтересовало ваше предложение. Но разве я могу чем-то помочь?

– Можете, и гораздо больше, чем полагаете. – Креольский

тронул пальцем одну из чаш весов правосудия, которые держала в руках Фемида. Сколько себя помню, эта статуэтка всегда стояла на столе у шефа, но я представления не имела, что весы двигаются. Словно замороженная, следила я за раскачивающимися чашами. Дождавшись, пока они снова обретут равновесие, мужчина продолжил: – Мне хорошо известно, что делопроизводством в конторе занимались именно вы.

– Да, и делала это в строгом соответствии с законом. Спросите...

– Стоп, стоп, стоп! Софья Семеновна, – Креольский поднял вверх руки, демонстрируя миролюбивый настрой, – я ни в чем вас не обвиняю. Просто констатирую очевидный факт. Более того! Я уверен, что вы все делали правильно. Меня сейчас другое интересует. Какие именно документы пропали?

– Не знаю. Я все дела на память не помню.

– А жаль. Нам бы сейчас это очень пригодилось. Я ознакомился с материалами дела и знаю, что вы заявили об исчезновении трех папок, а также журналов входящей и исходящей корреспонденции. Это все?

– Не знаю, возможно, украли еще что-то, следовательно очень быстро взял меня в оборот, так что на детальное изучение времени не было. Но навскидку вроде бы все, – кивнув головой в сторону шкафа за спиной Креольского, я добавила: – Все папки были пронумерованы, так что обнаружить пропажу оказалось нетрудно. Исчезли дела номер двадцать

три, двадцать пять и сорок семь.

– Понятно, – Креольский слегка покачался в кресле и добавил задумчиво: – Скажите, а что будет с остальными документами?

Я пожала плечами:

– В течение двух месяцев их передадут другому нотариусу, назначенному специальной комиссией.

– А может так оказаться, что им окажется ваш жених?

Вновь неопределенное пожатие плеч:

– Формально нет, ведь Андрей не является нотариусом, хотя и имеет соответствующую лицензию. Но, если он подсуетится... Должность-то вакантна.

– А почему, кстати, это так важно? Почему ваш... хм... жених раньше не мог стать нотариусом?

– Потому что количество этих специалистов в одном районе строго ограничено. В каждом нотариальном округе их число не должно превышать установленное. Это юридическую фирму может открыть любой желающий, в нашем деле все иначе.

– Понятно, – Креольский посмотрел мне прямо в глаза и задал вопрос, который в данных обстоятельствах напрашивался сам собой: – Иными словами, у вашего жениха имелся вполне очевидный мотив убить моего брата?

– Мотив был, а вот с возможностями дела обстоят значительно хуже, – спокойно парировала я. – Андрей все время находился рядом со мной и просто не мог... Если только вы

не думаете, что мы действовали сообща. Когда же мы с ним покидали офис, шеф был еще жив.

– Уверены? Уходя из конторы, вы попрощались с... – Креольский помедлил, по всей видимости, справляясь с охватившим его душевным волнением, – с Юрой?

– Нет, но...

– Так я и думал. Откуда тогда такая уверенность, что мой брат был все еще жив? Смотрите, как все удачно складывается: вы со Спиридоновым уходите из офиса, а затем он отправляет вас назад, якобы забыв ключи. Теперь вы оказываетесь подозреваемой номер один, в то время как он и вовсе ни при чем.

– Да, но я ведь слышала, как Андрей попрощался с шефом.

– Припомните, что именно вы слышали. Это очень важно.

Я задумалась, восстанавливая в памяти события злополучного вечера.

– Мы собрались уходить с Андреем. Он зашел в кабинет Юрия Павловича и громко пожелал ему доброго вечера, сказал, что, если что-то понадобится, он на связи, и... все.

– А что на это ответил Юра?

Я задумалась, пытаясь как можно точнее восстановить в памяти картинку тогдашнего вечера.

– Ничего, но это нормально, – наконец произнесла я. – Шеф говорил с нами исключительно по делу. Подозреваю, что в тот раз он, как всегда, отделался коротким кивком.

– Возможно, – растягивая слова, ответил мужчина, – а может, мой брат к тому моменту был попросту мертв.

– Нет, – я отчаянно замотала головой, – нет, – добавила твердо и уверенно, – этого не может быть! Я не верю! – Версия, выдвинутая Креольским, потрясла меня своей очевидностью и невероятностью одновременно.

– Почему? Потому что Спиридонов ваш жених?

Я снова отрицательно замотала головой:

– Это не Андрей! Постойте, ведь есть же еще данные экспертизы. Когда был убит шеф?.. Простите, ваш брат.

– Увы, но криминалистическая наука позволяет установить лишь приблизительное время смерти, и ваше присутствие в конторе как раз укладывается в этот промежуток. Юру могли убить как до того, как вы ушли, так и сразу после. Так что...

Полученная информация требовала осмысления. Слишком все это было... Правдоподобно. Но это значит... Нет, даже думать об этом не хочу. Не хочу и не буду.

Тут на меня снизошло озарение.

– Да, но как быть с компьютерами? Когда мы уходили, они еще работали, а утром уже вышли из строя. И куда делись папки? Кроме того, вы сами говорили, что в офисе был таинственный некто, который очень не хотел стать «звездой экрана».

На этот раз плечами пожал Креольский:

– Запустить в систему вирус с «отложенным стартом» тру-

да не составляет. Ваш жених вполне мог подложить бомбу замедленного действия. Кроме того, я ведь не утверждаю, что он действовал в одиночку. Возможно, у него был сообщник – тот, кто ушел отсюда утром, прихватив несколько папок.

– Нет, не может быть. Это не Андрей, – снова произнесла я твердо. – Ищите убийцу в другом месте.

– Софья Семеновна, – в отличие от моего, голос Креольского был мягок, если не сказать, даже нежен. – Позвольте вам заметить, вы необъективны.

– Да нет, – привычным движением я заправила за ухо упрямую прядь, выбившуюся из «конского хвоста», в который я собрала волосы еще утром, – дело вовсе не в этом. Как бы вам это объяснить... Понимаете, Андрей не может быть убийцей. Не в том смысле, что он и мухи не обидит. Как раз наоборот. Просто он слишком прагматичен, чтобы так подставляться. Должность нотариуса, конечно, весьма прибыльна, но не настолько. Это раньше, когда нотариат заверял сделки с недвижимостью... Сегодня же мы в основном имеем дело с бабушками-старушками. Ну, еще предприятия подкидывают кое-какие деньги, но чтобы из-за этого убивать...

– Я понял вашу мысль, Соня, – на этот раз в голосе Креольского сквозило раздражение. – Вспомните, а может, мой брат поссорился с вашим парнем?

– Да что вы! Совершенно исключено! Чтобы Андрей с ше-

фом... – Я рассмеялась. – Вы просто не знаете, о чем говорите. Его лояльность по отношению к начальнику граничила с фанатизмом. Так что нет. Это невозможно.

Креольский задумался. Решив воспользоваться этой паузой, чтобы привести в порядок мысли и чувства, я принялась отматывать воспоминания назад – в те счастливые времена, когда самой большой своей проблемой считала постоянные конфликты с шефом.

Помню, как однажды он заставил меня ночью (!) составлять договор, который в итоге понадобился ему лишь через неделю. В другой раз он сам испортил доверенность, а всех собак спустил на меня. В результате мне пришлось брать работу на дом. А еще... Да-а-а, счастливые были времена. Я мечтательно уставилась на место, еще совсем недавно занимаемое начальником. Разумеется, там теперь стояло совсем другое кресло – старое же полиция приобщила к делу в качестве улики. Интересно, зачем оно им? Представляю, у них, наверное, целый склад вещдоков, на котором, словно в сокровищнице Али-Бабы... Настойчивая мысль стучалась в мои размышления, стараясь привлечь к себе внимание. «Э-э-эй, – будто кричала она. – Ты явно упускаешь что-то из виду!» Но что? Я отмотала пленку событий назад, ровно до того места, где... Ну, конечно! Вот же я балда!

– Послушайте! – воскликнула я, пожалуй, чересчур эмоционально. – Я кое-что вспомнила! Ну, конечно! – Я даже счастливо рассмеялась, но тут же замолчала, наткнувшись

на недоуменный взгляд Креольского. – В общем, Креольский, в смысле шеф... В общем, ваш брат... Он... – я запнулась, подбирая слова, опасаясь задеть чувства собеседника. – Короче, он был довольно требователен к работникам. По крайней мере, ко мне. Поэтому мне очень часто приходилось брать работу на дом. И-и-и... – я выдержала театральную паузу для усиления эффекта, который, как я рассчитывала, должны были произвести следующие мои слова. – Столкнувшись пару раз с тем, что некоторых шаблонов в нужный момент не оказывалось под рукой, я просто перекинула содержимое своего рабочего компа на домашний. Правда, сделала я это месяца три назад и с тех пор информацию не обновляла, но, возможно, нам удастся отыскать следы похищенных документов. Ну хоть какие-то зацепки.

О том, что произошло дальше, мне и рассказывать как-то неудобно. Я, конечно, ожидала, что мои слова произведут на Креольского сильное впечатление, но чтобы настолько! Возбужденно вскочив с места, он подбежал ко мне, вытряхнул из кресла и... поцеловал.

– Милая вы моя, – воскликнул он, возбужденно бегая по комнате и совсем не обращая внимания на мой ошарашенный вид. – Что ж вы раньше-то молчали? Это ведь... Это ведь... Такой прорыв в деле!

– Э-э-э, – от такого энтузиазма мне стало как-то не по себе. – Мне бы не хотелось, чтобы вы питали особенные надежды. Это по меньшей мере преждевременно. Шеф очень

часто ездил на выезды один и далеко не всегда посвящал меня в свои дела. Так что может оказаться, что в моих документах и нет ничего стоящего. А если это и не так – не представляю даже, как можно соотнести деятельность конторы с убийством вашего брата. Может, стоит поискать в другом месте? Личные мотивы, к примеру.

Креольский перестал скакать антилопой по кабинету и остановился прямо напротив меня. После его встряски я так и не села в кресло, и теперь мы стояли друг против друга, словно ковбои на поединке. В моей голове зазвучала музыка в стиле кантри. Наконец мой противник расчехлил свой револьвер и выстрелил, пригвоздив меня к месту:

– Позвольте мне решать, где и как искать мотивы убийства моего брата. – В этот момент мужчина поразительно напомнил своего родственника. И речь, как вы понимаете, отнюдь не о внешнем сходстве. А я-то, дура, надеялась на возможность общения на равных.

– Хорошо. Простите, что перешла черту, – надеюсь, мои извинения прозвучали искренне.

– Принимается, – холодно бросил Креольский.

– Я свободна?

– Пока да. Ждите в своем кабинете, я скоро освобожусь, и мы вместе поедem к вам домой.

Глава двенадцатая

*Я не умею выразить сильных чувств, хотя могу
сильно выразиться...*

Ф. Раневская

Потрясающий кофейный аромат заставил меня забыть обо всем на свете. Убийство шефа, выдвинутые и до сих пор не снятые с меня обвинения, Андрей в роли подозреваемого – все это отошло на второй план. В данную минуту я могла думать только об одном – о кофе. Восхитительный, бодрящий, благородный напиток, сваренный к тому же весьма искусно. Как оказалось, брат шефа знал толк в таких вещах и, несмотря на наличие в квартире дорогого, как я подозреваю, кофейного аппарата, приготовил «алхимический» напиток в турке. При этом процесс приготовления напомнил мне ритуальное действо южноамериканских шаманов, которое я однажды случайно наблюдала по ТВ. Так же, как и они, Креольский номер два колдовал над чашкой с какими-то травками, веточками и палочками. Что уж он там добавлял в мой кофе, не знаю, но результат в итоге превзошел все мои ожидания.

Сидя на барном стуле, я глотала обжигающий напиток, болтая ногой, обутой в пушистую тапочку. Давненько мне не было так уютно и комфортно. В квартиру Креольского

мы приехали сразу после того, как забрали мой ноутбук. Как объяснил мне недавно обретенный начальник, я не питала иллюзий относительно нашего якобы партнерства, будет куда удобнее заняться изучением содержимого компьютера вдали от посторонних глаз. Я, собственно, не возражала, так как и сама мечтала поскорее смыться из квартиры, которая неожиданно перестала быть моим домом. Разумеется, само жилище было совершенно ни при чем. Все дело в ее обитателе, но сейчас думать об этом совсем не хотелось. У меня еще будет время разобраться со своими чувствами к Андрею, пока же есть задачи и поважнее.

Еще раньше Креольский где-то раздобыл список оставшихся дел, и теперь мы сверяли его с записями моего компьютера. Так нам удалось установить, какие именно папки были похищены. Удача явно сопутствовала мне в тот день. Оказалось, что все три украденных дела были заведены больше трех месяцев назад и, соответственно, сохранились в электронном журнале.

Мы выяснили, что вор прихватил с собой наследственные дела Макарова и Питерского, а также брачный контракт Татарского.

Первые два объединяло наличие завещания, которые оформлял шеф. Он же принимал заявления наследников. Ничего сложного и спорного – никаких разногласий. Жил человек, высказал последнюю волю и через какое-то время умер. Олег Креольский, правда, предположил,

что причина именно в этом – уж больно скоропостижными оказались смерти Питерского и Макарова – буквально через пару месяцев после оформления завещания, но лично я ничего странного и подозрительного в этом не узрела. Особенность национального менталитета. Наш человек вспоминает о завещании, если вообще вспоминает, исключительно на смертном одре. Уверена, эти случаи не исключение – наверняка врачи сообщили Дмитрию Ивановичу Макарову и Владимиру Степановичу Питерскому о скорой кончине, вот и инициировали те встречу с Юрием Павловичем Крельским.

Дела, к слову, оказались весьма похожи. Будучи отцами семейства, оба, умирая, оставили свою долю в принадлежащей им на двоих с супругой квартире единственному ребенку, в обход интересов законной жены. Я лично ничего странного в этом не увидела. Это могло бы стать проблемой, если бы супруга не была матерью наследника. Но тут никаких неожиданностей – жены умерших и их чада были, судя по всему, связаны кровными узами. Исходя из моего опыта, в большинстве подобных случаев женщины, как правило, не возражают против подобных сделок. Престарелые родители, доверяя детям, нередко сразу отписывают свою долю в общем имуществе, дабы оградить вторую половину от мытарств, связанных с вступлением в наследство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.